

Александр Велесов

Банник

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Велесов

Банник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66811273

SelfPub; 2021

Аннотация

Рядом с людьми живут незримые существа. В разных точках мира и у разных народов они носят разные названия и выполняют определённые только им свойственные функции своего участия в жизни людей. Это рассказ об одном из них – несчастной сущности, немного философа и просто доброго дедушки – банника, духа бани, который вовсе и не так прост, как кажется на самом деле, и это история гораздо более загадочна, чем кажется вначале...

Содержит нецензурную брань.

Александр Велесов

Банник

«Ау, ау, ау, а, а ... Баю, баю, баю бай... Ау, ау, ау, а, а ...», – нежным и тоненьким как ручей голосом пела женщина с золотистыми кудрями и глубокими, как океан синими глазами, рассыпающими вокруг себя удивительные искры ярко оранжевого света, которые согревали его во сне и давали ему тепло, которое словно мягким пуховым одеялом накрывало его, принося ему покой и умиротворение. Эта женщина была для него чужой, но он знал и чувствовал, что снова и снова увидит её во сне. И от этого ему было хорошо, так хорошо, что только во сне он, наверное, и был счастлив. Если счастье и значило что-то для него. Но сон уходил, и он снова оставался прежним, и он вновь должен был становиться самим собой.

В углу тихо капала вода ... Еле – еле слышно, как будто бы она не капала, а что-то совсем неслышно шептала. Ему во всяком случае казалось именно так. Причём всегда...

Он вылез из своей невидимой норы, как он называл свою пространственную воронку, и крадучись как кот перед тем как должен был напасть на свою жертву, стал подбираться к этой маленькой, почти невидимой простому человеческому взгляду частичке видимого материального мира.

Подойдя, а точнее доползя до неё, он огляделся в очеред-

ной раз, будто забыв про то, что его никто не увидит из людей и уставился на эту маленькую лужицу так, словно перед ним была не лужица, а какая-то замысловатая картина.

Он всегда в эти минуты забывал то, кем он был на самом деле, и глубоко в его сущности, где-то там в глубоких недрах его сознания ещё возможно и пробуждалось что-то человеческое. Но оно так же исчезало, как и приходило. Со стороны казалось будто он медитировал на эту каплю воды, но он всего лишь наслаждался тем духом страсти, которая исходила от этой маленькой мокрой субстанции. Этого вполне хватало, чтобы получить ему то, что нужно было ему получить.

Потом он тихонько, словно боялся испугнуть этот прилив исходящей вибрации, начинал двигать своими невидимыми чреслами. И всё его тело, получая этот поток энергии, так же превращалось в один общий вибрирующий клубок невидимой человеческому глазу плоти.

После того, как заканчивался транс, он пробуждался, но всегда с ощущением какого-то необыкновенного внутреннего прилива той силы, которая и делала его именно тем, кем он был на самом деле.

А был он всего лишь простой, даже больше чем простой, обычный – банник, дух, сущность, нечистая сила, его можно было бы назвать, как угодно. Но это был обычный Банник и звали его – Дементий.

Кто и когда назвал его так, он не знал, да и не помнил: Дементий и Дементий ...

Таких луж иногда было и несколько, но все они были разными. Всех их отличала друг от друга разная категория человеческих эмоций, человеческих страстей.

Те, которые собирались на каменной плитке в предбаннике были особенно ему приятны. В предбаннике люди общались между собой, обсуждали что-то, вытирали мокрый пот выходя из парной, ругались, спорили, любили и ненавидели друг друга, но они жили ...

В этом месте из пор этих людей выходила самая сильная страсть, какая была у человека. Неуёмная страсть к жизни. Это было главное, что было нужно ему. В этой страсти он и находил пищу для своей внутренней силы, силы делающей его невидимым для людей нечистым духом. Это и была его пища...

Предбанник был для него своего рода чистилищем, да именно так он считал для себя. Только сравнение с тем чистилищем, которое было на небесах возможно и казалось ему не совсем корректным, но суть его при этом не менялась.

Здесь человек оставлял порой самого себя. Снимая одежду люди превращались в некое подобие бабочки, которая порхала в эйфории мнимой иллюзорной свободы. Сбрасывая одежду – люди думали, что наконец получают ту крупницу обретения ощущающего чувства полёта, которая как, думали они, была утеряна где-то на заре создания творцом мира.

А когда наоборот они одевали её, то превращались в кокон. Они уже становились менее разговорчивыми, если толь-

ко не были пьяны, менее мужественными и даже совсем какими-то последовательными. Они как будто начинали понимать то, что возвращаются снова в этот примитивный для них и мир быта и грубой материи.

И так было всегда. Человек никогда не менялся ... Менялась эпоха, менялась сама жизнь и её восприятие людьми, менялась в целом цивилизация, но только не люди. Такой вывод он сделал сам для себя очень и очень давно. Менялась даже еда и одежда людей, но люди всегда оставались такими же какими были испокон века.

Нет, разумеется что-то менялось и в человеке. Ведь его жизнь напрямую зависела от того социума, в котором плавал человеческий этнос. А тут к тому же всё напрямую зависело и от самого главного человеческого фактора – желания жить как можно лучше. И как говорили сами же люди, во все времена человек хотел две главные вещи – хорошо жрать и сладко пить. Но хорошо не всегда получалось, и далеко не у всех.

Дементий же был не просто банником. Таких как он заблудших душ, сущностей невидимого фронта было сотни и тысячи, но Дементий был не просто заблудшей душой, он был созерцателем, философом и он был немного сентиментален, что было совсем несвойственно существу его мира.

Получая свою дозу человеческих эмоций, переданных ему в вихре созерцательных вибраций через еле различимые капельки воды и пота, он хотя и был удовлетворён, но недоста-

точно для того, чтобы быть счастливым.

Он был скорее даже несчастен ... И в этом он не знал кого винить. Он знал то, что другие банники были не то, чтобы счастливыми, но хотя бы удовлетворёнными, но только не он.

И в этом он и был наверно немного чуточку более человечным чем те, другие.

Человеческий пот был для него именно тем мериллом получения дикого желания познавать природу человеческих особей, природу утерянную или отнятую у него кем-то и когда-то столь давно, из-за чего он и пытался найти в ней частицу самого себя, разобраться и понять то, почему он страдает. Правда, что страдало у него – душа или тело, он сам не знал. Тело, которое он получил в мире Нави он никогда не чувствовал, несмотря на то, что в физическом мире он предстал бы перед людьми в образе сухого, лысого и сморщенного старика с белой, со рваными клоками, длинной бородой. Оно у него не болело как у людей, не испытывало чувство голода и жажды. Ничего этого не было, кроме одного ... Для того чтобы ему быть невидимым духом, хранителем бани, ему нужно было получать капельки человеческого пота, смешанного с грязной водой. Это и было для него той питательной средой, которая делала его своего рода бессмертной сущностью.

Хотя очень редко, воплощаясь в грубый образ человеческого существа Дементий ловил себя на мысли, что порой

его и тянет как людей что-нибудь сожрать и попить вполне свойственное их виду.

И вот из всего из этого в конце концов Дементий и сделал главный вывод. Если своё тело он не чувствует, значит страдает то, что есть у людей, а именно душа. Если она у него конечно и осталась.

А страдал Дементий только по одной простой причине – он не мог понять то, зачем ему всё это нужно, почему так устроена его природа?

Хотя где-то в закоулках своего сознания он почему-то знал или пытался верить в то, что был банником не по своей воле.

Но несмотря не на что баню он считал не только своим домом, но и храмом, неким святилищем очищения человеческой души.

И раз здесь у него было своё чистилище, роль которого выполнял обычный предбанник, значит должен был быть и ад. Но не совсем некий метафизический библейский ад, в котором жарились людские души, испытывая муки и страдания...

Его ад был местом более комфортным и жар здесь был лекарством для человеческой израненной души. Это было наверно одно из величайших изобретений или скорее выдумок человека, это была великая парная, называемая в простонародье матерью – парилкой.

Если в предбаннике человек сначала сбрасывал с себя ко-

жу, а точнее одежду, а потом надевал её снова, то в парной он доставлял своей коже поистине искушающее душу наслаждение.

В огромной температуре, в которой могла закипать вода, люди томились как густое варево в печи, они жарились, они почти что пеклись, но при этом это им дико нравилось. Они – наслаждались.

Следующим священнодействием человека в парной было самобичевание, когда они лупили друг друга – веником. Здесь и заключался главный секрет бани ... Веник – вот то орудие, которое приводило действие людей в сумасшедшее само исступление, граничащее с какой-то первородной мистерией, конец которой был схож с массовым экстазом.

Но это было им нужно. В этом и заключался тайный код магнетизма, исходящего из самых недр банного мира.

Веник – берёзовый или дубовый, или хвойный, суть его при этом не менялась -это был для них -веник очищения, веник -блаженства или как называли это состояние восточные эзотерики -великой нирваной.

Всё в бане было создано человеком для того, чтобы отдохнуть не только телом, но и душой.

Но вот душа то как раз не у всех была чистой. А с нечистой душонкой человек и париться долго не мог, пар душил его, как в настоящей преисподней. Побудет, побудет немного, так для форса, а потом бочком, незаметно оттуда и сбежит.

А человек наоборот с чистой и доброй праведной душой мог париться до упаду, наслаждаясь каждой минутой, проведённой в парилке, упиваясь паром как ребёнок, потому только у дитя была невинная душа и человек с чистой душой сам становился дитём.

Но были люди и с не просто нечистой душой, были люди и с чёрной как дёготь душой, душой черней мрака.

Они приходили в баню с одной единственной целью – творить зло. Таких банник видел на расстоянии ... Ну вообще конечно Дементий всех людей видел насквозь, но чёрных он чувствовал издалека и в силу своей природы, он должен был помогать конечно же...

Однако для него как для банника и как для нечистого духа было большой бедой то, что у него никак не получалось помогать таким людям. Вернее, очень и очень давно он пытался ещё как-то, а потом понял, что не может и перестал помогать им. Он решил просто им не мешать.

С незапамятных времён человек входя в баню снимал крест, потому как знал, что в бане и хворь могут оставить и обморок сделать могут и ещё какую-нибудь даже и пострашней ворожбу начудить.

А банник всё видел и держал баланс, просто наблюдая за всеми.

Добрых и честных людей он уважал, а худых сторонился. Пускай, дескать что хотят, то и делают, за то сами ответ держать будут. А за это его свои духи то и невзлюбили. Ведь

шила в мешке не утаишь и потому шла про него про меж них молва, что банник какой-то неправильный, слишком человеческий.

Но Дементий и не опровергал ничего. Ему это было безразлично.

Так вот и жил он при этой бане со времён наверно царя Гороха, а точнее сам и не помнил сколько.

А баня и правда была одной из достопримечательностей прекрасного города, окаймлённого с одной стороны широкой рекой, а с другой густыми сосновыми лесами.

Людская молва рассказывала, что дескать бане никак не меньше, чем три сотни лет, а может куда и больше. Когда-то в стародавние времена на краю соснового леса народ решил поставить общие бани. Первыми здесь поставили срубы большие, потом народ привык к ним и по происшествию многих-многих лет по распоряжению городской Управы воздвигли каменную городскую баню.

Старинное кирпичное двухэтажное здание имело два зала с парными. Один был для богатых людей, а второй для бедных. Первый зал был конечно же произведением искусства. При входе в баню стояли два полуголых Аполлона и внутри была мраморная лепнина в готическом стиле. В богатой половине был даже и бассейн мраморный сделан, что было особенно редкостью в те времена.

И зал для богатых разделялся от остальной бани отдельным входом с этими самыми Аполлонами.

А для простого народа зал был также просторен, правда здесь не было никаких мраморных плит, а обычная отштукатуренная кирпичная стена, был просторный предбанник и зал для обмывки с жестяными жбанами. Но парная была конечно мировая, за что и любил её весь городской честной народ.

И в этой бане, а точнее при ней и жил наш Дементий.

Много было на его веку и хорошего и плохого. Много повидал он и всякого чего и как говорят, и не в сказке сказать и не пером описать.

Он помнил ещё те времена, когда на месте бани стояли деревянные срубы и народ парился в них от мал до велика, и бабы и мужики и по отдельности и порой все вместе.

И бани были для всех самым значимым местом из всего, что могло быть в те времена у простых людей. Здесь и мылись, и любилась, и деток рожали, и кудесничали, и лечились.

А потом, когда отстроили каменную баню, вот тогда-то и зажил Дементий со всем размахом своей банной души.

Здесь то всё самое интересное и началось.

Здесь было что вспомнить, здесь было о чём рассказать.

А париться приходил в те времена народ всякий. В залу для тех, кто побогаче захаживал и купеческого сословия человек и дворянского, и военные офицеры, и чиновник мелкий городской.

В отделение для тех, кто победней всякий люд приходил,

кому и тело, и душу отмыть надо было и побыстрей. Был здесь и рабочий люд с завода местного, и крестьянского сословия и разбойный человек с трущоб городских.

А при бане и харчевню построили. В ней и чарку после банного жара пригубить можно было и щей горячих отведать и не только...

И прибавилось тогда работы Дементию в три короба. Ему нужно было теперь везде за порядком следить, чтобы всё чин чинаром было.

Особливо наглых он помечал, кого кипятком ошпарит, кого венником заморит, а кого и толкнёт на камни в печи раскалённые.

Простой народ в бане отдушину видел. Баня для него матерью родной была.

А Дементий так продолжал жить при ней да за порядком следить, пока не пришла в страну смута великая, а с ней позже раздор и война братоубийственная.

Раньше в стародавнюю пору Дементий знал, что были среди смертных господа и был простой люд, а теперь всё изменилось. Для него тогда всё понятно было, кто есть, кто. С кем как везти себя, кого наказывать, кого любить, кого ненавидеть, а кого и миловать.

И вот царя – батюшки не стало, господ тоже не стало и теперь все стали называться на один манер – граждане.

И тогда совсем запутался Дементий. Ведь по сословию он как банник и людей различал, а теперь что ж выходит все как

равны стали.

Но и это вскоре закончилось и слово граждане на товарищей заменили. Все товарищами стали и почему так смертные решили он вообще не мог понять.

Как же так? – думал он про себя и никак не мог взять в толк -, это что же получается человек человеку друг теперь? ... Ведь раньше как всё понятно было ... Барин – он есть барин, а мужик это мужик. А теперь кто ж они все есть? Товарищи выходит? ... Что-то не совсем понятно.

Раньше как было среди нас банников – мужика можно и кипятком окатить и ещё чем ни будь по башке шмякнуть, мужик то небось всё стерпит. Он на то и мужик. А вот барин всё культурно любил, это гусь особый был – интеллигентный. Приедут господа бывало и закажут себе шампанского да мадеры десятков ящичков, да хор цыганский. Тут тебе и баня, и песни с плясками и бухло фильдеперсовое, химпортное, французское. Иногда я сам его с пола мраморного слизывал, когда его по пьяни господа разливали. Вкуснотища... а конфеты какие были!!! Шоколад – швейцарский с трюфелями. А икра то!.. Не какая –нибудь, а икра – чёрная, осетровая! А запах от неё какой был ...Мммм... Ляпота ...

А теперь что ж будет? ...Ээээ – ххх... Надо ж не было печали да черти намотали ..., – чесал своё голое пузо закатив глаза Дементий.

Но колесо истории упрямо двигалось навстречу новому миру и тут конечно же не обошлось без крови.

Гражданская война привела в баню как-то белых офицеров париться.

Было в них что –то ностальгическое, словно знал он, что в последний раз господ видит.

Не было уже цыган и их залихватских песен, не было плясок до упаду, да и господа были уже не те... Словно смерть дышала им в темечко.

Видно было, что они измотаны многодневными боями и выдался им денёк свободный и потому решили они кости то и попарить.

И шампанского не было с икрой, а пили они всё боле водку, ничем особо и не закусывая. И со стороны всё выглядело так будто для них на самом деле настал самый что ни на есть конец света.

Но вот и господа – офицеры ушли навсегда и пришли большевики.

Большевики особо не с кем не церемонились и потому быстро навели порядок путём жёстких мер. Однако вскоре поняли, что для того, чтобы вытащить страну из послевоенной разрухи и голода, нужно что-то поменять во внутренней политике страны. Так возник НЭП, а с ним и новые хозяева жизни. Частично вернулась частная собственность и мелкая торговля и они породили, а вернее реанимировали небольшой класс мелких капиталистов.

Один из них, хозяин трёх галантерейных магазинов Вершин Фёдор Иванович со своим другим хозяином текстиль-

ного цеха Тененголец Казимиром Юрьевичем любили захаживать в баню и не куда-нибудь, а в её богатую часть и любили плескаться после парной в мраморном бассейне, а потом откушать водочки из хрустальных графинчиков, с икоркой чёрненькой, расстегайчиками, отварными телячьими языками и ещё всякой снедью, доставшейся из прошлого режима.

И выкушав изрядное количество водочки их любило тянуть на философские беседы.

– Ну я в принципе не против большевистской власти милейший мой друг Казимир Юрьевич, если они нас с Вами трогать не будут, – говорил Фёдор Иванович барахтаясь в мраморном бассейне.

– Ну я не могу разделить с Вами Фёдор Иванович Вашего оптимизма. Знаете ли жизнь научила. Мы им с Вами нужны, а почему я могу Вам сказать ... Им нужно хоть немного оживить экономику после Гражданской войны. И поверьте моя интуиция меня никогда не подводила и вот моя родня знаете ли всё зовёт меня в Польшу. Наверно всё-таки мне придётся сделать ноги, чего и Вам советую мой любезнейший друг.

–Ну а я всё-таки не сомневаюсь в их порядочности, ведь это решение самого вождя пролетариата.

– Не спорю с Вами сударь, но вождь пролетариата давно говорят болен и что, и кто будет после него мы не знаем, как и то куда повернёт эта власть, – сказал Казимир Юрьевич и тоже нырнул в бассейн.

Вдоволь поплескавшись в воде господу нэпманы вскоре

уже сидели за столом.

– Видите, Фёдор Иванович, как говорил один мой старый приятель из Одессы, давным-давно почивший в мир иной, расстрелянный мда... большевиками, уравнивать можно только рога у козла, но не как не человека. “И Вы спросите почему? А потому, что у одного мозги думают вправо, а у другого влево. А вообще первым коммунистом был не кто иной как сын божий, да-да Иисус Христос, так гонимый новой властью.”

– Я с вами не могу согласиться друг мой – ответил ему Фёдор Иванович, густо намазывая на французскую булку чёрную икру.

– А я и не прошу соглашаться со мной, но тем не менее Иисус Христос, по моему мнению, это первый коммунист, во всяком случае доктрина одна и та же, только вместо Бога наш достопочтимый вождь пролетариата, – сказал Казимир Юрьевич, проглатывая большой кусок расстегая.

– Тогда давайте за это выпьем! – воскликнул Фёдор Иванович.

– Непременно – ответил Казимир Юрьевич, поднеся ко рту большую рюмку водки.

После некоторых алкогольных возлияний они оба снова бросились в бассейн.

Но прошло время и канули в небытие и господин Вершин и господин Тененгольц, они исчезли. Не попал господин Тененгольц за границу, а Вершин не умер от старости. Их про-

сто не стало...

А на смену нэпменам пришли чекисты. В принципе они и раньше то приходили, но всё больше для того, чтобы проверить тех, кто парился в бане. Ну а для Дементия все было понятно с господами капиталистами.

Но кто был за сей странный зверь – чекисты и с чем его едят Дементий не знал и потому стал готовиться к неизвестности. Да и само слово – чекист не внушало ему доверия, какое-то оно было убогое что ли ...

И он вспомнил, что когда-то ещё при царе –батюшке в баню любили студенты хаживать из местного университета и учились они на медиков. И часто он любил их разговоры подслушивать ... И про морги, и болезни всякие, и про всяку-всячину ... И любил тот народ – эти медики слово в быту употреблять и как понял он непотребное слово больно и было оно такое замудрённое больно. Дементий, почесав шишку на лбу вспомнил слово и аж чуть от радости в печь не угодил. Онанисты! Онанисты!

Именно эти самые слова онанисты и чекисты больно похожи были и сразу потому вызвали неприязнь у него.

Ведь оно как для него было ...Новый человек и новые порядки принести может, а там и глядишь кто знает, что ему в голову взбредёт?.. Что за лихо он с собой притащит? А то решит и баню снести к чертям собачьим и всё тут. И оставит несчастного Дементия без дома.

Вот такие думы одолевали старину Дементия и кручинил-

ся он по первому числу, пока оказалось, что и чекист, вроде как человек и ему тоже и парилка и не чужда.

Но только не любил он конечно разговоры их слушать, чекистские... а то начнут за здравие, а кончат за упокой.

Этот самый чекист любил водку кушать и по боле чем и господа офицеры, и мужики с сохи.

Водка, как говорили сами чекисты, для них молоком материнским была.

И вот как-то заслушался он беседой двух чекистов. Один из них был лысый с большим брюхом, а второй маленький, коренастый с небольшими усиками. И говорит лысый маленькому.

– Ну что Макар выбил ты из этого Флебенсонова сына где отец их покойник зачанку оставил?

– Скоро скажет всё ... – скрепя зубами произнёс Макар, – Этот буржуйный сынок итак нам уже и драгоценности фамильные передал, но не всё. Золота там конечно немерено было. Это уж точно. Но папаша в могилу унёс.

– Давай выбивай из него и вместе с зубами! – вскрикнул в конце лысый и добавил – И парку, парку подбавь! Ух – ах!

– Щщщас, товарищ Бондарь, щщщас, мы всю эту контру из них то и выбьем!

– Начни с меня! – аж взвизгнул от удовольствия лысый, когда веник в руках Макара стал окучивать его круглую жопу. – Выбивай эту сволочь! Выбивай её раз этакую! Вот так, вот так. – замлел он.

– Давайте товарищ Бондарь я Вас холодной водой окачу и предлагаю в предбанник за водкой сходить.

– Давай окати родимый, окати. Уффф... – в конце вздохнул лысый, – Всё пошли водки храпанём!

И они поплелись в предбанник, а тут Дементий тут как тут и ему ж охота дальше дослушать о чём эти чекисты ещё гутарить будут.

– Я вот что скажу тебе Макар, – закатив глаза произнёс товарищ Бондарь, а потом вдруг словно спохватившись заорал как резанный, – Прохор! Прохор – окаянный!

Тут словно из-под земли возник старый мужик, худой и длинный как жердь, с длинным орлиным носом и зачёсанной назад седой чёлкой. Это был последний банщик из тех, кто выжил после всех революций и войн. Раньше их три было, а ещё пару дворовых – уборщиков, но после всех мобилизаций и войн остался один лишь Прохор, проработавший в бане никак не меньше чем тридцать последних лет.

Прохор знал всё, но имел привычку молчать и потому при любой власти сумел сохранить себе какой никакой статус. Этот статус свой Прохор кровью и потом выстрадал, как он сам и считал.

Но правда оставшись один из всего персонала Прохор видно из тоски стал всё больше и больше прикладываться к бутылке пока не стал пить запоями. А кормиться то надо и свою половину, больную жену кормить, да и власть новая вроде не обижает, по крайней мере пока...

Баня то во все времена нужна. Потому Прохор и за баней следил и за тем что от бывлой рюмочной осталось. Ну готовить так как в былые времена повар Лапшинов готовил он конечно не мог, но закуска кой какая у него всегда имелась, ну и водочка само собой тоже не переводилась. Ну и помогала ему по бане девка залётная, что от голода прибилась – Фросей её звали. А жила здесь в комнатке при бане. Была она для него на старости лет усладой и полюбил он её как родную дочь. Своих деток им с Марьей Петровной бог не дал и вот тут Фрося появилась и помогала ему во всём в работе. Правда немного странная была она, словно блаженная что ли ... а может из-за голода она умом тронулась? Ребёночек у неё, по её словам, вроде как был, и не один хотя Прохор не одного из детишек её и не видел сроду. А может и не было ребёночка или помер давно? А другие детишки где ж были её тогда? Прохор этого не знал.

А девка и правда странная была. То выйдет во двор с птицами говорить начнёт, и они и правда вокруг неё кружить начинают. То встанет в бане в углу и смотрит долго в упор куда то, пока Прохор её не окликнет. А то сядет и песню какую-то заунывную затянет вполголоса, еле слышно.

И вот Прохору жаль её было до боли и потому приютил её у себя и постепенно прикипел к ней душой и сердцем.

И банник Дементий за ней давно наблюдал и казалось ему, то что будто видит она его. Говорить, она ничего при этом не говорила, но смотреть на него смотрела.

Ну, а что до власти новой то вскоре Прохор понял, что всё человеческое ей тоже не чуждо было, и водочки выкушать с мясом.

Потому Прохор и держал всегда в запасах своих чего-нибудь съестное. Конечно, как ещё при нэпманах водились расстегаи с икоркой, того уже не было, но чего-нибудь вкусное припрятано у старика всегда было.

– Ну что, Прохор, давай неси нам с закровов своих всё самое лучшее! – заорал лысый.

– А что изволите товарищи? – пробубнил в нос Прохор. – У меня и огурчики малосольные есть, и колбаса краковская, и селёdochка с картошечкой отварной.

– Водки побольше и это в первую очередь, ну и остальное тоже тащи. Всё тащи!

– Слушаюсь, – произнёс Прохор и поспешно ретировался.

Сам же он давно понял, что новой власти, как и старому режиму угождать надо, а потому быстренько всё и сварганил.

С чекистами шутить нельзя. Вон давеча сказали мне, чтобы я к вечеру для них одних затопил. Сказал значит сделать надо. А то ещё чего и меня к стенке поставят, хотя и им слуги то нужны. Ладно пойду им жрать принесу,

Вскоре на резном столе из чёрного дерева, последней из оставшегося от прежнего режима вещи, уже дымилась отварная картошечка, густо посыпанная свежей зеленью, блестяли пузатые малосольные огурчики, селёdochка с лучком аппетитно была уложена на тарелке и ещё колбаска с чудным

запахом свежего копчения и буженина от вида которой аж у товарища Бондаря зашла слюна.

– Так давай наливай Макар! – скомандовал он.

И полилась родимая в рюмки издавая при этом мелодичный тихий звон.

Вскоре ещё через пару заходов в парилку и выпитой полтора литра беленькой товарищ Бондарь совсем разомлел и его потянуло на баб.

– А помнишь, помнишь тех двух мадам, мамашу и дочь еёнюю, как бишь то звали её стерву? – начал он нараспев.

– А эти что с неделю у нас были, ну да, а мы потом их в расход пустили. – стал хихикать Макар. -Храмсова Лизавета и дочь её – Олечка.

– Ну да, ну да. Сучка кинулась мне лицо царапать и пришлось ей в торец зарядить. Так мы всем ГПУ отрывались потом с ними. Такая мамаша оказалась ... Ну прям огонь, орала как самка недорезанная. Строят из себя барышень, а на деле всё одно шлюхи.

– А что может нам и сейчас с кем оторваться товарищ Бондарь?

– Да бабы не помешали бы нам. А где взять то их?

– Так и я видел у этого Прохора девку дворовую, так вроде и лицом ладная, да румяная.

– О точно! А ну Прохор поди сюда! – закричал товарищ Бондарь.

Вошёл Прохор, видно уже зная зачем зовут его.

– Ты давай-ка приведи нам сюда эту как её зовут, девку твою! – орал напыжившись товарищ Бондарь.

– Так она умаялась больно, не здорова ... – промямлил, побледнев Прохор и внутри у него аж сжалось всё.

– Щщщас, мы поправим ей здоровье! – пьяным голосом нараспев затянул Бондарь, – Советская власть тебя от эксплуататоров освободила, а ты тут ерепенишься?! Веди сюда её быстрее старик, а то велю тебя прямо здесь расстрелять как врага народа. – и он, достав из висевшей кобуры маузер повертел его перед носом побледневшего как смерть Прохора.

Фрося и прям хороша с собой, хоть и одета бедно. Ну не то чтоб красавица, но лицом кругла, а груди у неё прямо так и лезли из-под замызганного сарафана, а бёдра при всём при этом были круглы.

– Ну-ка, сядь тут вот с нами рядом, – пробубнил ослотивший товарищ Бондарь. – Макар налей ей водки.

– Не, не буду я, дядя, – пролепетала Фрося.

– А тебя никто и не спрашивает будешь ты или нет. Наливают значит пей. – ответил ей Бондарь.

– Пей дурёха! – смеясь кричал ей Макар, – С самим товарищем Бондарем пить будешь!

– Отпустите меня дяденьки. Зачем я Вам? – взмолилась девка.

– Ты давай бери стакан и пей! Это приказ!

Фрося, закатив глаза опрокинула в рот стакан.

– И по второй давай и за-ку-сы-вай, – пропел пьяный Бондарь, – И вот что, расскажи нам откуда ты такая будешь?

– Мы из тамбовских дядя ... С Тамбовской губернии.

– О как! И как родимую тебя занесло сюда? Каким это ветром? – не унимался Бондарь.

– Пришли комиссары в деревню к нам, все припасы забрали, не колоска не оставили. У меня сынок был, от голода пух, его потом тётке родной сюда в деревню привезла. Здесь у Вас вроде посытней то будет. Ну, а сама в город подалась, что зарабатываю тётке всё отсылаю. И вот благо Прохор Силантьич к себе взяли. Он отец родимый и кров мне дал и денежку какую-никакую заработать. Дай бог здоровья ему. – отвечала девка ему.

– А что ж отец твой как ты сказала сейчас, родимый тебя по ночам то жарит небось? – улыбаясь спросил Бондарь.

– Гы—гы—гы! – заржал Макар.

– Не такой он, не такой. Прохор Силантьич хороший.

– Знаем, что нормальный он, а был бы контрой мы бы его давно к стенке поставили. – сказал Бондарь. – И Вас бледей знаем, кулачье недобитое! Сбежала от комиссаров говоришь? ... Комиссары всё для трудового народа в пользу забирали понимаешь!.. А Вы суки и не поняли ... Ладно ты это, давай ложись как на пол и портки с себя сымай. Что-то утомила ты меня сегодня...

– Я не ... Нельзя мне товарищ начальник ... У меня это, как его ... Дни красные ... – лепетала девка.

– Правильно и красный день календаря заодно отметим! Да, товарищ Бондарь?! Гы—гы—гы! – загоготал Макар.

– А тебя никто и не спрашивает можно тебе или нельзя! – заорал пьяный Бондарь и ударил её наотмашь по лицу.

Фрося упала навзничь на пол и из уголка её рта засочилась кровь.

– Заткни рот свой, блядина, а ноги раздвинь пошире! – не унимался Бондарь. – Давай, Макарка, держи руки твари!

Макар, навалившись на грудь девке стал ей заламывать руки, хотя она не сопротивлялась вовсе и лежала совсем с безучастным видом ... Прохор же всхлипывал за ширмой.

– Щщщассс, товарищ Бондарь влупит по самое не могу!

– Щщщщассс, я тебя откомиссарю! – жуя каждое слово бормотал Бондарь.

И вот тут случилось невообразимое ... Жбан, который стоял на полке, поднявшись застыл в воздухе, а потом с размаху упал на голову Бондаря.

Макар, не поняв ничего отпрыгнул в сторону, но тут какая-то сила отбросила его к столу, и он головой стукнулся об его угол.

И всё затихло...

Прошло чуть меньше двух часов, прежде чем комиссар Бондарь и Макар пришли в себя.

– Что это было? ... – спросил заплетающимся языком Бондарь у Макара.

– А кто ж знает? Нажрались мы с Вами товарищ Бондарь и

поэтому ничего и не помним. – ответил ему Макар, помогая встать на ноги.

– Ладно помоги мне одеться и пошли отсюда быстрее. – сказал товарищ Бондарь, еле-еле одевая свои штаны.

Вскоре они покинули наконец баню. Прохор же помог подняться Фросе и проводил её до своей комнаты.

Держась за плечо Прохора Фрося шла всё время оглядываясь в угол предбанника, откуда на неё смотрел своими красными зрачками Дементий.

На следующий день она встала не свет не заря, умылась и достала из красной тряпочки несколько денежек, которые ей когда-то дал Прохор, взяла их и сходила на рынок, купив там связку свежих баранок и молока.

Вернувшись в баню, она подошла к тому самому углу в предбаннике, выложила баранки на тарелку и налила молочко в мисочку.

И тут взгляд её упал на стол, из-за которого на неё выглядывало два красных зрачка. Она протянула в руках миску с молочком выглядывающей из-под угла тени.

– На пей, – сказала она тени, – Не бойся пей.

Тень слегка задрезжала и через минуту трансформировалась в худого, сгорбленного старичка.

– Так ты что ж всё это время видела меня? – спросил её старик.

– А то, конечно дедушка. – пролепетала девка.

– И ты знаешь кто я?

– Дух ты нечистый, дух бани, – ответила ему Фрося.

– А откуда тебе сила дана меня видеть? – снова спросил её Дементий.

– Бабуся моя мне передала. И я тебя сразу то и увидела, как Прохор меня к себе взял. Благодарствую за то, что за меня давеча заступился, – ответила ему Фрося и поклонилась ему.

– Ты это брось! «Я Банник и меня бояться всем надо», – сказал он ей зыркнув на неё своими красными зрачками.

– А я не боюсь тебя, ты хороший дедушка, – сказала Фрося, – Я вот тебе молочка купила и пряников с баранками, а завтра денежку сыночку моему пошлю – Ванечке.

– Сыночку? – спросил её Дементий, – А где же он?

– Там он у тётушки, у тётушки ... – пролепетала Фрося и вдруг попятилась от Дементия.

– А ну погодь, погодь девка – в глаза мне смотри ... – приказал ей банник и Фрося после его слов почувствовала, как тело её стало ватным, а глаза будто остекленели от взгляда Дементия.

И тут увидел Дементий такое, что даже его нечистый дух содрогнулся. И после наступившего гробового молчания Дементий произнёс.

– Ты почто дитяtko своего съела? Что же ты наделала девонька?

– Дяденьки с красными фуражками пришли все колосинки забрали, военные село закрыли, чтобы не вышел никто.

У меня деток трое было, три мальчонка, а младшенький Ванечка. Сначала мы травушку ели, кору с деревьев. А потом... Потом... – разрыдалась девушка, – Голод такой был, что многие умом тронулись и я Ванечку заколола, чтобы двух других моих деток спасти. Месяц мы моим Ванечкой цельный питались. Но потом решили из села бежать, но я одна выбралась. Двух деток моих военные забрали и увезли в город, а куда я не знаю... а я шла долго ... Долго шла ... Пока вот сюды то и не прибилась.

Дементий долго смотрел на неё, а потом сказал,
– Иди, забудь, что со мной говорила. А теперь знай я сейчас глаза твои отведу, забудешь ты всё это. Забудешь ты и про сыночка своего и всё плохое тоже. Живи как жила раньше, а меня видеть больше не будешь. Да будет так. – хлопнул он в ладоши и исчез.

Фрося долго ещё стояла застыв, а потом повернулась и ушла к себе в комнату.

История на этом, казалось бы, могла закончиться, но только не для Дементия. Для него она продолжалось. Ведь мир не стоял на месте...

Прошли годы ... Не стало Прохора, который сначала похоронил жену, а потом и сам почил в иной мир. Вместе с ним ушла старая эпоха.

А тихую помешанную Фросю вскоре отправили этапом в лагерь. Кто-то из её мест случайно узнал в ней свою сельчанку и всплыла история с её сынком. Когда её вызвали на до-

прос, поняли то что она тихо помешанная. Но в лагерь всё равно отправили ... Так она канула в небытие ...

Советская власть не стояла на месте, переламывая в своей железной мясорубке судьбы миллионов человеческих жизней.

Поменялось и название бани. Теперь она стала называться, Советская Народная Баня.

Долго не мог забыть Дементий случай с Фросей, тосковал он и по старику Прохору, потому как знал его много, много лет.

И всё бы ничего для Дементия, только шастать к нему стала в гости старуха обдериха. Долго не было её ...

А звали её – Бодуня. Старуха была больно надоедлива и любила она особо вредить в те дни, когда мужики парились.

Что двигало ею Дементий не знал, а может она на весь род мужской была обижена. Кто знал? ...

Дементий недолюбливал противную старуху, но и побаивался её, потому как среди других банников слух шёл, что обдериха то не простая, а самая что не на есть – шишига, а это считалась даже среди нечистой силы самая злобная тварь.

И не как он понять не мог, что этой Бодунье надобно в бане. Ведь все знали, что хозяин бани с незапамятных времён один и это он – Дементий. Да и видел он последний раз старуху перед самым октябрьским переворотом, а тут на тебе заявила и видать не к добру, не к добру.

А появилась она как-то ночью, когда Дементий как раз сам помывку делал. Не как он не мог природу свою поломать и потому мылся он в полночь, как и всегда грязной мутной водой.

– Ну что не закис тут один? ... – услышал он где-то в стене каркающий голос.

А после из стены вылезла голая синяя старуха, причём с ниспадающими до пола не седыми, а огненно-рыжими, как у молодухи волосами.

– Что заявила старая?

– А я может до тебя охоча? Соскучилась. И прямо не в терпёж мне. Ведь ты не смотри что я стара, за то огня во мне как в печи во время топки. Отдеру как в последний раз. Хотя у тебя там ещё хоть шевелиться что-то аль нет? – спросила Дементия старуха и ткнула грязным длинным когтем в его торчащую между ног бледную морковку.

– Не замай старая! – рывкнул на неё Дементий.

– О, ты посмотрите на него! Интеллигент хренов! Кому ты нужен со своей морковкой. А ну я же забыла, что ты у нас философ и этот как его романтик, раз тебя раз этак.

– Не обдериха ты, а шишига, самая что не на есть настоящая. – ответил ей Дементий.

– Дура ты! Была б я шишигой, то ты б у меня уже из банника в мокрого слизняка обернулся и потом тебя какой-нибудь мужик ногой в пол припечатал бы и всё.

– Ладно говори, что пришла старая.

– Тебя повидать и пожить малость. Примешь на постой на неделю, другую? – спросила его Бодуня наматывая прядь огненных волос себе на палец.

– Живи что уж там, только не шали больно, а то народ ходить в баню перестанет, скажет завелась дескать нечистая сила.

– Не скажет. Народ теперь в бога перестал верить и в нечистую силу тоже. Народ сейчас верит всё более в коммунизм. – ответила Бодуня, явно гордясь своими познаниями современных терминов.

– Ну это как знать? Как знать?

– Ну пока у тебя перекантуюсь то можа и покуражимся с тобой, вспомним годы наши молодые? – не унималась Бодуня и прямо как блудная девка выпятила свою ногу ткнув её снова Дементию ниже пояса.

– Ну старая не уймёшься всё? Лучше вон воды мутной сколько сегодня вот и помойся с дороги, а потом посидим, поболтаем.

– Ладно помыться мне надобно. – ответила ему Бодуня и нырнула с головой в маленькую лужицу в углу.

А Дементий вытер со лба пот и сам тоже нырнул под каменку.

Вечером того же дня они уже довольно мирно сидели под каменкой и вели меж собой тихую и милую беседу.

– Ну что ты расскажешь мне старый? Чаво делал все годы? Как куражничал? Не посрамил ли дело нечистое? – всё до-

кучала его расспросами бабка обдериха.

– Я старая всё больше задумываться стал о смысле жизни. – со вздохом ответил ей Дементий, – Ведь вот оно как бывает ... Мы ведь с тобой вроде то духи нечистые и должны злобливы быть, только вот я порой людям то удивляюсь. Человек может куда более самого злобного зверя быть. Вот помню ко мне всё любили эти как их мать их, гэпеушники париться любили приходить. Ну вроде работа и работа у них. ... Как и всех. Только вот палачи они и есть палачи. Слушал я их исповеди друг перед другом. Любили они всё хвалиться сколько душ загубили невинных. А главное если так разобраться, то и не за что. Всё больше по доносу или по вообще непонятно почему.

Народ другой стал. Строят они свой хоммунизм, строят, а пока построят его сколько же народу они погубить могут.

– Не пойму я тебя Дементий. Не пойму. И почему ты такой стал?

– Какой такой?

– Малахольный какой-то ... Ты дух бани! Ты что должен делать? Своё дело! За баней смотреть, порядок держать, за кудесниками следить чтоб не напортачили чего с ворожкой и само собой самому быть всегда начеку. А ты что ж слюни то распустил! Злобливый народ стал ... Злобливый он стал от чего?!

– От чего?!

– От хоммунизму своего! Вот от чего!

– А почему ж от него? – спросил Бодуню Дементий.

– Ну что ж ты бестолковый такой. Они в глаза его не видели и слыхом не слыхивали про этот хоммунизм, а строят. А если ты про чего не знаешь, а тебя делать это заставят то ты его как построишь? Ась? – не могла угомониться Бодуня.

– Не знаю ...

– Вот то-то и оно. Что не знаю... а они тем более не знают. Это как в сказке одной ... Слышал небось? ... – покосилась Бодуня на Дементия.

– А что за сказка?

– А там послал царь добра молодца туда куда не знаю куда, да за тем что не знаю зачем. – проговорила как скороговорку обдериха, почёсывая при этом свой выпуклый как барабан живот.

– Да действительно задача ... -пробубнил озадаченный совсем Дементий.

– Вот то то и оно что задача. А потому и народ стал глупой, а всё из-за того, что он не знает, как жить. Народ в старину всё понимал. Во главе всего царь стоял, потом бояре, опосля купцы, крестьяне и всякий чёрный люд. И заметь ведь каждый знал своё дело. И мы тоже своё место знали. Потому как народ и нечистую силу уважал и это испокон века шло. Народ уважал нас и боялся. А потому и мы при деле были. А сейчас что? ...

– Что?

– А ничего? В Бога они не верят и за это ещё в тюрьму

угодить могут. А если в бога не верят, то разве в чёрта верить будут? Сам посуди? А потому они и не бояться никого кроме власти.

– А власть то ведь и при царе боялись?

–Боялись да не так как сейчас. Сейчас приедет за ними ночью чёрный воронок и пиши, как звали... Только вот куда? Был человек и нет его ... Всё сгинул с концами и даже имени от него не останется.

А народ без Бога – это так ... Вот и не понимает он что творит. Народ то ...Всё одно – дурак! Ему по ушам насвистели, а он и пошёл сам не зная куда и зачем. Хоммунизму эту ...Тьфу – слово то какое то, больше на клизму похожее.

–Вот тебе и клизма. – снова вздохнул Дементий, – А я вот и смотрю раньше то в баню народ, всё больше крещённый хаживал, ну кресты ясное дело за баней все оставляли как положено. А сейчас не то что креста так даже и колдунов не увидишь. Перевелись все что ли?

– Не перевелись они. Просто теперыча всё больше они на погосте кудесничают. Баня нынче не в почёте. А то ведь могут кабы ещё и в психушку загреметь. Народ то какой стал ...Позвонит по тотефо ... потефо ..., тулефону ... тьфу ты и слово то не выговоришь. короче позвонит по этой трубке куда следовать, если увидит, как кто-то ведёт себя не так как другие и всё, того в дурку прямо и в путь!

– Да...Нынче и не покудесничаешь. – сокрушённо вздохнул Дементий.

– Эка и не говори ... – вздохнула Бодуня.

– Дааа обмельчал народ ...

– Ты лучше скажи-ка мне старый ты как собираешься дальше жить поживать при этом бардаке?

– А куда мне деваться старая здесь дом мой. Да и бане без банника нельзя сама знаешь? Не будет меня и пару и то не будет в бане нормального. Баня совсем никудышной станет. Я тут всё повидал чего уж говорить ... – кручинясь о чём-то только ему ведомом сказал Дементий.

– Ну а наши дела нечистые? ... Кого кипятком ошпарить? Кого паром уморить, так ненароком? ...

– Ну слегка ошпарить может кого и смогу, а вот уморить? Нет это я и раньше то не мог, а сейчас и подавно.

–А они значиться могут людёв в лагеря отправлять хоммунизму там достраивать, а нам хоть одного злыдня проучить нельзя?!

–А что за лагеря то? Я что-то про них и не знаю ... Хотя как-то гэпеушники про них судачили, но я особо в разговор не вникал.

–Сейчас расскажу я что за лагеря эти. Была я в краях тех ... В тайге лагерь один, а при лагере том баня и хозяйкой там обдериха одна была, старая моя знакомая и звали её Кутяха. Не знашь таку?

–Нет не знаю...

– Ну и ладно. Там всё эти жили в лагере – политические, ну и обычные зэка были, те воры, которые... В лагере два хо-

зьяина было. Первый это начальник лагеря – полковник Осадчий Роман, не помню, как его по бабушке ... Ну и вор Федул, его так все кличут. Так Федула того лагерная шпана больше чем Осадчего боялась. А обдериха та Кутяха на мужиках помешана была. Ты ж сам знаешь, что мы обдерихи мужиков не любим, а эта наоборот любила мужиков. Её хлебом не корми, а дай зековское бельё вонючее понюхать. А ещё любила она ночами из бани в барак к ним пробираться и пока спали они к ним в шконку прыгала и в любовь с ними играла. Они всё равно с утра не помнили ничего.

– Это как? – спросил озадаченный Дементий.

– А вот так бешенство у неё было. А как-то мне призналась, что и пару раз девкой молодухой оборачивалась и одного горемыку до смерти затрахала. Во как!

– Ну и ну.

– А лагерь тот так и назывался, Дорога к хоммунизму, вот только какая дорога? Если в ней зэка пачками помирали. Вот и думай, что за эта хоммунизма такая, к которой они всё хотят прийти?

– Ну а ты что потом?

– Свалила оттуда. И после я больше туда не возвращалась.

Вот так и шли непринуждённые ночные беседы между Дементиём и обдерихой, пока та вдруг не исчезла из бани.

Ну а появление обдерихи и правда было не к добру, так как началась вторая большая война с германцем.

А вскоре случилось так что город оказался в зоне оккупа-

ции и появился в бане новый народ – немчура, да полицаи. Первые всё любили в бассейне плавать, особенно те которые в чинах у них были, а вторые любили попроще парилку и самогон, который в изобилии с собой приносили.

Немец существо было совсем непонятное для Дементия. И лопотали они не нашем и пили всё больше вина заморские. Парную они не любили, а всё больше мылись с мылом, поливая друг друга тёплой водой.

Дементий думал про себя часто, что немец он хилый какой-то и почто воевать он пошёл ему непонятно было.

Но пришло время, и немчура в бега подался, пришли наши, а потом и война закончилась.

Настало мирное время. Прошли годы и вроде как говорить стали, что наконец коммунизм этот построили.

А чем он, этот коммунизм отличался от другого времени Дементию всё равно невдомёк было. Хотя вот народ по наблюдению Дементия всё-таки другой стал.

Человек эпохи развитого социализма, а именно так меж собой называли начальную стадию коммунизма представители технической интеллигенции, которой весьма и весьма нравилось парить свои кости, был, по их мнению, маленьким словно дитё малое, которое нужно было беречь и лелеять.

Вот как-то пришлось Дементию подслушать разговор одного художника и директора комиссионного магазина, а точнее спекулянта, как считалось в это время.

По-видимому, этих двух людей что-то связывало и потому

они всегда любили приходить вместе и париться в половине для знатных особ.

Знатных особ давным-давно не было, а вот попариться в половине с мраморным бассейном мог позволить себе не каждый, в отличие от простой народной половине бани.

А не каждым здесь было и любило париться ещё и партийное начальство, когда к ним гости приезжали из центра. Но в этом случае баню закрывали полностью, на всякий случай подальше от любопытных глаз.

Кто были такие партийные начальники, Дементию было совсем непонятно, но то что любили они всё дорогое, вкусное и с изюминкой, как в царские времена дворяне, это он уже усвоил.

Любили они в бане коньяки распивать, хорошие армянские, а ещё шашлыки любили и икру красную и водочку, не какую-нибудь, а самую лучшую, какая была недоступна простому народу.

Дементий догадывался, что эти новые бояре были как-то связаны с коммунизмом и наверно они его и создали.

Но то, что коммунизм предполагал равноправие всего народа, это Дементий понял давно, только вот одно не понимал он, а это то, что как же можно было говорить о равноправии если одни могли всю, баню заказать с деликатесами, а вторые кроме пива дешевого и водки за три рубля пятьдесят копеек больше то себе позволить и не могли.

Вот тут-то и была заковыка ... Потому, как при царе ба-

тюшке баню никто не закрывал, а парились в своей половине богатые, а в своей простой нищий народ.

И многое стало понятно для Дементия, когда подслушал он разговор художника и директора комиссионного магазина.

– Ну батенька и что Вы всё-таки можете сказать по поводу того, построили мы коммунизм или нет? – спросил, выходя из парной художник Брянов Пётр Аркадьевич, высокий мужчина с длинной козлиной бородкой, обращаясь к довольно упитанному человеку с большой чёрной шевелюрой и такими же большими усами.

– А как Вы считаете Пётр Аркадьевич, что в Вашем понимании есть коммунизм?

– Вы прямо, как истинный представитель своего древнего богоизбранного народа вопросом на вопрос лупите товарищ Кравиц. Ну лично я думаю, что коммунизм – это когда мы пришли вот сюда, в нашу прекрасную баню с мраморным бассейном и не заплатили за неё довольно кругленькую сумму, да и ещё за коньяк с красной икоркой, балык из стерляди, буженину и фрукты заморские, а получили это всё бесплатно. Просто потому что мы живём в коммунистическом обществе и можем получить абсолютно всё, что пожелаем.

– Но это совсем утопия мой друг, хотя достичь этого можно, но здесь нужно учитывать сознание человека. Тут конечно возникает и социальный фактор. Ведь полного равноправия всё равно достичь невозможно и, хотя бы из-за интеллек-

туального неравенства. Ну лично, по моему мнению, человек способный творить что-то своими мозгами должен жить гораздо лучше просто колхозника. Ну хотя бы в чём-то. Вот сейчас для нас с Вами коммунизм это мои проданные американские джинсы из-под полы конечно, настоящие французские духи и два десятка немецких женских колготок. Колготки кстати купили приезжие артистки из драматического театра. Опять как видите не простые фабричные девки.

– Может Вы где-то и правы Лев Эдуардович, но лично как по мне я всё-таки думаю, что коммунизм достичь невозможно в одной стране, если весь остальной мир живёт совершенно по другим законам.

– Ну сейчас не только одна страна, а ещё и страны Варшавского договора.

– Да-да ...

– Кстати, а вот Ваши сюрреалистичные картины между прочим неплохо продавались бы как раз не в нашем уравнином обществе, а именно в загнивающем западе, там, где как Вы сказали мир, живёт совершенно по другим законам, – ответил Лев Эдуардович и нырнул в бассейн. – И вот у меня какое есть к Вам предложение Пётр Аркадьевич, – продолжил он, вынырнув из воды, – В силу моей так скажем коммерческой деятельности у меня есть скажем так иностранная клиентура, небольшая правда, из тех, кто приезжает в наш город по культурным вопросам. Так вот они давно интересуются не совсем обычными художественными творениями представи-

телей нашего социалистической интеллигенции. Ну я и мог бы предложить им что-нибудь из Вашей так скажем коллекции.

–Весьма и весьма польщён Лев Эдуардович. Но как же я ведь никогда и ничего не продавал?

–А Вам ничего и не нужно мой друг. Всё за Вас сделаю я. И вот за это я предлагаю нам с Вами выпить по коньячку, –ответил Лев Эдуардович выходя из бассейна и обматывая себя при этом огромным полотенцем.

–Мне было бы очень приятно, но как я могу Вас отблагодарить? – спросил смущенный художник.

–А не как, я буду довольствоваться просто скромным процентом с продажи Ваших картин. А теперь Вы видите, что даже в этой нашей с Вами бане даже до сих пор имеется социальное равноправие. Мы с Вами в половине которой отдыхали каких-то около ста лет назад князья да графья, а простые работяги в простой половине. И это о чём говорит нам с Вами Пётр Аркадьевич?

–О чём?

– А о том, что до коммунизма нам с Вами как до ближайшей звезды, а стало быть это дело нам надо отметить с размахом. Позвоните-ка в колокольчик мой друг.

Через минуту в бане вбежал поджарый круглолицый человек в белом фартуке.

– Ну что Терентий вот мы с Петром Аркадьичем хотим сегодня отдохнуть так сказать с размахом и хотели бы вызвать

сюда двух дам ... Ну тех что были у нас в гостях полгода назад, приезжие артисточки.

–Этих давно нет, но у меня на примете есть другие. Подождёте с пол часика? – спросил услужливый Терентий.

–Непременно.

– Тогда я побежал им звонить.

– Да Терентий и главное, чтобы всё по-тихому, -сказал ему Лев Эдуардович и сунул ему за фартук большую цветную бумажку.

– Всё понял товарищи, – произнёс Терентий и поспешно ретировался.

–От социализма и капитализма отличает только идеология, а кушать как говориться хочется всегда... – задумчиво произнёс коммерсант.

Не знали наши товарищи то, что за ними давно наблюдает незримое око социализма, которое представляло собой подслушивающее скрытое устройство, установленное как раз именно гэпеушниками, которых теперь все называли немно-го по-другому, а потому оба они вскоре оказались в местах не столь отдалённых.

А обдериха Бадунья появилась ещё один раз, аккуратно перед началом времени, вошедшим в историю как лихие девяностые.

Была она какая-то не шибко разговорчивая, да и изношен-ная, потрёпанная что ли. Побыла пару деньков и исчезла. Больше Дементий её уже никогда не видел. А вслед за ней

пришли девяностые ...

А с девяностыми пришло и лихо... Теперь для Дементия совсем всё перевернулось с ног на голову, превратив действительность в какую-то странную абракадабру, а точнее голловолмку которую он уже никак не мог разгадать.

Люди теперь больше походили на каких-то костюмированных кукол, будто были ненастоящие, будто реальность изменилась так, словно весь мир какой-то несовершенной иллюзией.

В бане, а точнее в её привилегированной половине стали появляться молодые мускулистые бритоголовые парни, это конечно были бандиты новой волны, которых по обыкновению сопровождали размалёванные и худые, как селёдки девки, а именно такими их видел Дементий.

Появлялись пожилые уставшие мужчины, называвшими себя авторитетами и покрытыми с ног до головы синими надписями и рисунками.

Были иногда и гладкие упитанные как британские коты перспективные коммерсанты, больше похожие на нэпманов двадцатых годов, как выяснилось, что это всё больше были бывшие партийные боссы.

В половине попроще в основном парились простые заводские мужики, которые были недовольны случившемся переменам и потому после бани обычно нажирались в буфете до поросячьего визга.

А вскоре руководство бани распорядилось для элитной половины, доставшейся от царских времён сделать совсем отдельный вход, чтобы дескать не смущать простой народ, да и поспокойней как никак всем только от этого будет.

А Дементию нужно было во всех половинах за порядком смотреть, но в этом ему помех и не было. Он же дух был нечистый и мог сквозь стену проходить.

Всё менялось настолько стремительно, настолько фантазмагорический, что даже нечистый дух Дементий перестал пытаться разобраться во всех хитросплетениях человеческой жизни. Даже он где-то устал от всего и просто наблюдал словно очередную смену театрального спектакля.

Он не мог поверить своим глазам, когда в баню с бассейном вошёл двойник того самого чекиста из двадцатых годов, лысого с брюхом, который когда-то пытался изнасиловать ФРОСЮ.

Такой же обрюзгший, как Бондарь, с огромными лапищами, тупым, ничего не выражающим взглядом.

—Я Волчан, Волчан, — любил он повторять постоянно без всякой причины.

Волчан обычно приезжал с двумя или тремя молодыми братками, любил рассказывать про свою криминальную жизнь и за что отсидел на зоне пятнадцать годков. Деньгами он сорил и через каждые десять минут вызывал молодого банщика Гену, который пришёл когда-то на смену престарелого Терентия.

Как могла точная копия знаменитого чекиста, борца с контрреволюцией Бондаря переродиться в блатного уркагана Волчана тут было совсем невдомёк Дементию.

– Генка тащи свой зад сюда! – орал он обычно, – Давай звони Лёхе своему. Пускай девок сюда тащит.

Через полчаса приезжала куча девок, причём никто никогда не видел, чтобы он хоть с одной мог покуражиться по-настоящему. Волчан сразу же заказывал море водки, коньяка и шампанского. Девки все вились вокруг него, облизывали его в разных местах, чему весьма удивляли наблюдающего из-под каменки за ними Дементия, потому как в былые времена даже среди проституток он не видел такого бесстыдства. Но от чего Дементий ещё был в шоке, это то, что несмотря на то, что Волчану по очереди со вкусом делали минет, у него вялый так и не оживлялся. Но Волчан и этому был рад и после этого шёл по обыкновению в парилку ...

Специально для него к этому моменту нагоняли адскую температуру и вызывали парильщика Никитку, который был в этом деле мастак.

– А теперь по мордасам, по мордасам ... – любил повторять Волчан в приступе банного экстаза Никитке, который нещадно лупил его веником.

Заканчивалась вся эта сумасшедшая оргия тем что Волчан засыпал на диване голый среди пьяных девиц с довольным и умиротворённым лицом.

Дементий же давно уже стал привыкать и к пьяным разборкам между собой молодых бандитов, а также к стрелкам, которые они устраивали в бане, деля территории и зоны влияния.

А был случай и не один, когда эти стрелки заканчивались и кровью, что совсем не радовало Дементия, потому как природа его сущности, независимо от его желания, получало большой прилив негативной энергии. И это происходило помимо его воли...

Противиться он этому не мог, да у него и не получалось. Он только ещё больше становился от всего этого совершенно безрадостным и совсем безучастным к происходящему нечистым духом.

Он знал, что изменить что-то он не в силах, но где-то там в своей душе, если она и была у него, он понимал, что баня перестаёт быть баней, она теряет свой первородный смысл превращаясь в нечто совсем другое и непонятное для него.

А вместе со всем, что происходило к нему приходило и осознание того, что и его существование теряет смысл.

Но это был конец двадцатого века и наконец пришло время, когда и лихие девяностые закончились. Внезапно пропали и все бандиты, будто сметённые метлой времени на свалку истории.

Но сначала на смену пьяным кутежам бандитов из девяностых и их разборкам, в бане стали появляться в изобилии

представители закона, то есть менты, а потом их переименовали в полицейские, которые также не брезговали вызывать проституток и жрать водку огромными количествами.

Но и это вскоре как-то со временем регламентировалось, а потом совсем сошло на нет. Власть своей твёрдой рукой старалась бороться за чистоту кадров, да и высшие чины силовых ведомств стали поумнее, стараясь всё больше отдыхать подальше от людских глаз, где-нибудь на даче в кругу самых близких друзей.

Так вскоре в бане стал появляться новый контингент, истинных любителей бани.

И вроде бы постепенно баня стала снова приобретать свой первоначальный смысл ... Хотя где-то в глубине бытия всё ещё таилась какая-то червоточина, мешая вернуть ту былую идиллию, которая была заложена на заре появления бани, в её сокровенных глубинах бытия.

И со временем эта червоточина всё-таки проявила себя, чем и вызвала полный поворот в судьбе банника Дементия.

Дементий же всё чаще стал задумываться о том, как ему существовать дальше в этом мире? ... Как выжить и сохранить то главное, что было заложено в самой сути банного бытия.

Иногда ответы приходили к нему в виде загадочных знаков, а иногда он сам себе придумывал какие-то несуразные шарады, которые потом долго и упорно распутывал.

Судьба и движение времени продолжало приводить в ба-

ню совершенно разных людей и вот как-то раз в бане появился некий мужчина достаточно молодой, довольно воспитанный и очень внимательный ко всему, но не лишённый некой странности.

И это был второй человек, кто увидел Дементия, разглядел его – нечистый дух.

Герман, а именно так звали его, был весьма непростым человеком.

Единственный сын очень обеспеченных родителей и не просто обеспеченных, а ещё к тому же довольно известных, он рано увидел богатую жизнь, много успел повидать, пожил за границей и получил впоследствии от отца бразды правления в семейном деле, хотя вскоре и отошёл от всех дел.

Казалось бы, он владел большими возможностями, чтобы подняться до больших высот и стать олигархом местного разлива, но внезапно он ушёл от всего, что его связывало с деловым миром и целиком и полностью ударился в восточные мистерии, буддизм и в конце концов бросил всё и уехал в Тибет, где его приняли в один из монастырей, в котором он пребывал долгих семь лет, по истечении которых вернулся в реальный мир совершенно другим человеком.

Дело в том, что отец Германа был не много не мало, а главой области в котором он и родился. У отца было не одно дело, а несколько, которые вели его доверенные люди и помимо всего прочего им было скуплено и продано всё культурное наследие этого города, а точнее все исторические по-

стройки, почти все... Кроме того были уничтожены им и также проданы все крупные бывшие советские предприятия, которые купившие также потом уничтожили. Но как говорится цель оправдывает средства, а цель у этого человека была одна – нажива.

А его сына Германа не интересовали дела отца, как и то, чтобы в его года завезти семью. Несмотря на увещевания матери он заявил то, что семейные ценности не для него и стал писать серьёзные книги по йоге, восточной эзотерике и через несколько лет Герман стал довольно известным человеком в учёных кругах.

Не пропало у него только одно и это была страсть к бане. Герман любил ездить в старинную городскую, логово банника Дементия. У его отца, в особняке конечно была своя баня и не одна, но Герман вернувшись домой отказался жить с родителями в особняке, а поселился в скромной старой родительской, самой первой трёхкомнатной квартире.

Старинная городская баня, к которой Герман испытывал почти ностальгическое отношение, тянула его какой-то непреодолимой силой к себе. Он не мог этого объяснить, как и того, что где бы он не был за границей, часто видел её во сне.

Словно уезжая надолго, кусочек того мира, который был в его душе, всплывал не как-нибудь, а именно в образе бани из детства.

А Дементий к тому времени находился в совершенной

прострации, не воспринимая окружающий мир в той доли чрезмерной любознательности, которая была присуща его духу. Он пребывал словно в какой-то только ему ведомой спячке.

А соответственно он совсем и не заметил, как в бане и прилегающей к ней территории началась огромная реконструкция, превратив её вскоре в большой современный банный комплекс.

В комплекс входили и несколько саун с новыми бассейнами и классические народные бани и даже не один турецкий хамам, что было совсем в диковинку местным завсегдатаям, а также фитнес – зал, массажные, комнаты отдыха, предназначенные для уединения пар, бильярдные, два небольших боулинг – центра и многое-многое другое, включая два ресторана в прилегающей территории.

Хозяином всего этого хозяйства был не кто иной как мэр города – Баюнов Сергей Михайлович, отец Германа.

Человек это был властный, не лишённый, однако некоторой прозорливости ума, по видимому доставшейся ему от предков староверов.

Судьбой была дарована ему словно предначертание свыше получить кресло сначала мэра, а потом и должность главы области, а с ними и власть и почёт и главное деньги ..., которые конечно пришли не сразу в огромном количестве, но за то потом он стал купаться в них.

Родившейся в совершенно бедной семье, глава семьи ко-

торой от зари до зари работал в поле агрономом, Сергей Михайлович рос совершенно ничем не примечательным ребёнком, без каких-либо выдающихся способностей.

Село, в котором вырос Сергей Михайлович было одним из самых больших в их области и располагалось на краю большого лесного массива. С одной стороны, были бескрайние поля, а с другой большой, непролазный лес с болотом.

Мать Сергея была из старинной старообрядческой семьи, а отец из пришлых, кого ещё в прошлые года, до войны направил комсомол поднимать деревни.

Мать Сергея была женщиной тихой, даже какой-то забитой и слишком богобоязненной, хотя привить свои старообрядческие взгляды детям она не смогла так как очень боялась отца, потому как он был партийным. Сергей отца всё детство и не видел, пока с ним не произошёл несчастный случай в поле, оставивший его без пальцев на правой руке. Однако он продолжал работать агрономом, но после случая стал всё больше прикладываться к бутылке, пока совсем не запил, а потом из города приехал молодой агроном и отца перевели в должность начальника зернохранилища, где особо не было суеты, было поспокойней в меру, да и по-тихому можно было чуть выпивать, не привлекая внимания начальства. Оставили его вроде при деле за прошлые заслуги.

Так и жили они на краю села, прямо у леса, в большом срубе, доставшемся им ещё от родителей матери Сергея.

Дом был ладный, недаром семья была староверов, потому

и делали всё на совесть.

В семье кроме него росли и две старшие сестры.

Однако эту семью выделяло среди прочих одна немало-важная деталь, про их бабушку ходили легенды ...

Бабушка Сергея Михайловича была отнюдь не простой, она была по роду сильной целительницей, ворожеей и жила она в отдельном домике, почти что в лесу.

Когда мать Сергея решила выйти замуж за его отца, бабушка не приняла его, назвав супостатом и антихристом, но и мешать не стала. Да и отец её особо не потчевал, называя в сердцах бабушку то ведьмой, а то и ещё как...

Хотя бабушка была добрейшей женщиной и в период прихода колхоза много лет назад супротив власти не шла, считая, что вся власть дескать от бога. Первая и сдала всю живность в колхоз, а её у неё было не мало.

Бедным помогала в селе как могла, порой делясь последним куском хлеба, но не только хлебом. К ней всем селом в лес ходили ..., кто сглаз снять, кто порчу, какая молодая понести ребёнка от мужа не могла, а кто ещё зачем.

Бабушка чтобы не смущать своей целительской деятельностью зятя решила уйти от них.

И вот она оставила молодых в родительском доме, а сама ушла в дом её деда, который жил в нём один долгие годы. И хотя дом был довольно ветхий это её ничуть не угнетало.

К молодым она по первому времени приходила, когда отца Сергея не было дома, но потом вроде как смирилась и да-

же помогала дочке внучек растить, пока та в поле работала.

А потом с годами правда совсем перестала к ним приходить, сославшись на старческую немощь.

А вот Сергей, будучи ребёнком любил пропадать у ней днями и ночами и даже порой оставался ночевать у бабки.

Ему сильно нравилось её тихое уединение от людской суеты, нравился сам лес, со своими лесными звуками и нравилась сама бабка, хотя он и побаивался её немного.

Побаивался и уважал свою Бабаню как любил он её называть.

Но Бабаня не была не ведьмой, не чёрной колдуньей. Бабаня была очень верующей и богомольной, а вот дар свой исцелять с помощью молитвы от деда своего получила. Лечила она всегда с молитвой, крёстным знамением, ну и знала толк в травах большой, кореньях всяких и много-много чего для людей шибко полезного.

В маленьком сарае и в сенях бабкиного дома всегда было развешано много трав и кореньев и любил Сергей, подойдя к ним вдыхать их свежие запахи всей грудью, любил на заре встать, когда ночевал у бабки и к озерцу, что недалече был в лесу прийти, посидеть, рыбку половить, когда туман настигался сверху озера лёгкой молочной дымкой.

И Бабаня уже совсем-совсем старая часто вечерами сидела с внуком на лавочке у домика своего и учила уму да разуму.

Про Боженку своего любимого говорить она не могла так

как слово дала отцу Сергея, не проводить религиозную агитацию и слово своё держала, но сказки сказывала о добрых молодцах, да о чудищах разных и любила о лесе и природе часами ему рассказывать.

А Сергей слушал её рот разинув ...

В доме у бабки печь стояла небольшая и в ней она и хлеб пекла, и кашу варила, и щи, да какие! Таких даже мать Сергея не могла делать, а у Бабани всё вкуснотища была и щи, и каши. И вкус этот Сергей потом на всю жизнь запомнил.

И вот видел он как к бабке люди приходили ..., мамки с дитём, старики с болячками, а то и совсем лежачих приносили.

А после них Бабаня усаживала Сергея рядом с собой и говорила ему такие слова,

– Людям я помогаю от сердца своего, мне от них ничего не надо, добрым словом помянут и на том спасибо. Раньше бы я сказала им так, в церкву пойдите и за здоровье моё свечечку поставите, и для меня это самое что не на есть хорошее, но церквей давно нет, потому и за это спасибо.

А ты внучок помни завет мой тебе таков будет, людям старайся добро делать и не за деньги, а просто так ... Деньги у тебя и так будут, а добро оно больше намного чем любые деньги. Ты добро сделал, помог человеку, а тебе это добро вдвое большим добром возвернётся. Да есть в жизни люди и плохие, и хорошие, но ты всё равно добро делай. Не будь корыстным в жизни. Корысть съедает человека и превращает

в пепел. Корусть душу загубить может. Старайся для семьи заработать, чтобы дети и обуты, и одеты были. ну и крыша над головой чтобы была и всё по уму. А людей не обманывай, и всё к тебе само придёт. Трудиться будешь и всё придёт ... – говорила Бабаня ему.

А вскорости бабка тихо ушла на тот свет, оставив после себя добрую память у всех жителей этого села и многих других.

Сергей Михайлович закончив школу сразу же уехал в город учиться на тракториста. Ну а потом армия и вернувшись он немного поработал в селе трактористом, но тут ему предложили работу в городе, а точнее в большом агрокомплексе и здесь в городе он поступил ещё и в сельхозинститут, на заочный.

И тут на заводе ему предложили возить самого директора агрокомплекса, который впоследствии стал при коммунистах секретарём горкома, а дальше плавно перерос в главу администрации.

Сергей Михайлович служил главе долгие годы верой и правдой, начав с его личного водителя и поднявшись до заместителя главы района. А вовремя, когда Сергей Михайлович уже был на одной из хороших должностей, встретил он свою будущую жену Варвару Дмитриевну, молодую учительницу в одной из местных школ, а вскоре они и поженились.

За долгие годы Сергей Михайлович был в курсе всех тайн своего начальника. Знал в лицо всех его всех любовниц, знал

о махинациях в агрокомплексе, и многое-многое другое.

И так случилось, что его шеф имевший давно проблемы с сердцем скоропостижно скончался во время своих ночных утех с очередной любовницей. Умер прямо на девице...

Для Сергея Михайловича настал звёздный час, когда его назначили временно исполняющим обязанности главы района, а потом оставили его на этой должности на долгий срок.

А придёт время он станет и главой области.

И началось у Сергея Михайловича восхождение к полярной звезде денежного счастья.

За много лет своей деятельности на посту он оброс связями в столице, научился делать деньги из всего, что могло представлять для него хоть какую-то ценность.

Прошли годы и Сергей Михайлович стал подпольным миллиардером ...

Но сначала наш рассказ пойдёт о его сыне Германе и его встрече с Дементиём.

Герман был с детства смышленным мальчиком. Мать души в нём не чаяла, а он и обделён ничем не был. С детства получал самые дорогие игрушки, и вообще всё что хотел.

Одно смущало родителей, то что их сын был очень замкнут, а став подростком всё больше читал, ушёл в себя и поглощал в огромных количествах философскую и религиозную литературу. Для них он был подростком немного не от мира сего. Но учился он лучше, чем все его сверстники и родители отправили его учиться после окончания элитной

городской школы за границу в очень престижный университет.

Однако после окончания Германом университета всё пошло не так как хотели его родители, потому что, вернувшись домой он вскоре бросил всё и отказавшись от дел семейных уехал на восток.

Так он пропал для них на многие годы, а вернулся совсем другим человеком.

Но как мы уже говорили о нём ранее, жизнь его пошла не так как хотели его родители. а Герман жил по своим законам.

Главное, что досталось к нему от предков это была любовь к бане. Правда его совсем не интересовало то, что хозяином всего банного комплекса был его отец, а потому и приходил Герман в баню как обычный человек.

Застрыв в мире своих иллюзий Герман давно не обращал на то, что его считают человеком не от мира сего, чуть ли не с детства.

И вот он первый раз приехал в банный комплекс его отца.

Много народа мылось и парилось в разных отделениях банного комплекса, но Герман любил только то, которое сохранилась с далёкого прошлого, с мраморным бассейном внутри.

Именно здесь, в этом святилище банного мира любил париться его отец, таская с собой маленького Германа.

Германа восхищала здесь всё ещё в глубоком детстве. И мраморные плиты, и два Аполлона перед входом, которые

сумели выжить в горниле времени и какой-то особой дух в парной, который сначала обволакивал, а потом будто грел изнутри.

И ещё два красных горящих огнём глаза, которые он всегда видел под каменной печью в парной. Они горели и прожигали его, но он не боялся их, он чувствовал, что они не могут обидеть его.

Потом он уехал надолго за границу, а потом ещё на семь лет в Тибет и, казалось бы, что он совершенно забыл про баню.

И вот он снова здесь ... Именно в главном отделении ничего не подверглось изменению. Герман не знал, что по личному распоряжению его отца её не тронули во время реконструкции бани и создании по сути нового комплекса.

И Герман стал снова периодически посещать её.

Он не любил шумные компании друзей, хотя и раньше то их у него было не много и приходил сюда один.

Посидеть, подумать, помечтать и предаться медитации в тишине и спокойствии.

Герман был теперь одним из тех людей, которых стали называть просветлёнными учителями. Он глубоко изучал йогу во всех её проявлениях, написал много книг по этой теме. Он даже создал целостную систему изучения йоги как постижение научного спектра знаний этого направления духовной составляющей человека.

А баня привлекала его теперь, как и некое место, где че-

ловек мог соединить баню как оздоровительную субстанцию с восточной эзотерики в единое целое.

Он пытался понять в чём глубинный смысл бани как великого ритуала для русского человека.

И два красных глаза Герман снова увидел как-тогда в глубоком детстве, во время очередного посещения бани.

Они смотрели на него у упора, будто пытались достать его образ из бесконечной ленты времени.

Также и Гектор смотрел на них тоже вспоминая обрывочные отрывки из далёкого детства.

Два красных глаза в итоге трансформировались в небольшого сухонького старичка с длинной седой бородой, спадающей аж до низа живота и каким-то почти детским выражением лица, которая делала его немного смешным.

– Вы меня видите? – спросил старичок Германа.

– А почему Вы думаете, что я не должен Вас видеть? – ответил ему Герман.

– Ну дело в том молодой человек, что я как бы Вам сказать точнее, не совсем человек. То есть сейчас я выгляжу как человек ... потому что я всегда такой, и в Вашем мире, и в своём..., – глубокомысленно изрёк Дементий.

– Хорошо я понял, что Вы не человек, а кто же Вы тогда? – спросил Герман старика слезая с полки в парной на пол.

– Я банник ... дух, нечистый дух, – почему-то вздохнул Дементий.

– Дух... – произнёс Герман, -А у тебя есть имя?

– Да Дементием меня кличут, – совсем как-то по-детски ответил банник.

– Так вот что эти за два красных глаза, которые я видел в детстве! – вскричал Герман, – Только давай выйдем из парной, а то я уже давно здесь сижу. Хочу в бассейн.

– Ну я не против, – ответил Дементий и просочился сквозь стену в зал.

Герман же вышел в дверь. Так завязалась дружба банника и Германа. Казалось, что Герман совсем не удивляется тому что подружился с нечистым духом или здесь роль сыграло, то что он сам был мистиком и йогом. Банник любил спрашивать его про жизнь снаружи и особенно его интересовала большая чёрная плоская коробка, которая с недавних пор появилась на стене рядом с бассейном. На коробке появлялись люди, которые пели и плясали. Коробка показывала какую-то сказочную жизнь полную странных механизмов. Герман объяснил ему, что это штука называется – телевизор с плоским экраном, ну и как мог попытался объяснить устройство этого механизма.

С того дня однако же Германа стало тянуть в баню всё сильнее и сильнее. Друзей близких у него давно не было, а если и были какие-то все остались или в прошлом или совсем исчезли с горизонта и потому вскоре банник Дементий стал для него, вроде, как и не другом, но можно сказать интересным собеседником и оппонентом в философских беседах. Их дружеские беседы порой заходили в самые глубокие

дебри человеческих и не человеческих фантазий, множество тем и различных мистерий.

Герман понимал в своём сознании, что Расскажи он о том, что общается с нечистым духом по типу домового, его точно посчитают сумасшедшим, да и потом он и сам себе иногда задавал вопрос, что возможно ли такое, что его мозг мог воспалиться до такой степени, что стал воспроизводить эту сущность, а на самом деле был ли банник реальностью или нет? ... Но тем не менее ему было до жути интересно проводить с банником не один час, поглощая в себя всё, что он слышал. Особенно, что касалось прошлого, и здесь банник выступал кем-то вроде какого-то летописца. Приезжая в баню Герман стал наконец впервые пользоваться той привилегией, которая означала, что он являлся по сути сыном владельца всего банного комплекса.

Он стал закрывать эту достопримечательную, в историческом плане часть бани на несколько часов и все они уходили в общении с нечистым духом.

– Ну и как ты считаешь, что изменилось в мире за сто лет? – часто он задавал такие вопросы Дементию, давно перейдя с ним на “ты”.

– Всё не так просто друже мой. Много поменялось, как и люди наверно. Вот ты говоришь, что этим как его ..., всё слово то забываю это ... Кем говоришь стал?

– Йогом, – ответил, улыбаясь Дементию Герман.

– Ну в старину у нас этих ..., к чертякам всё слово твоё

забываю, во -

йогов никаких не были, а были кудесники, ведьмаки, ну и эти как их звали в народе – знахари. Они и лечили от хвори и сами хворь наводили.

– Слово йоги с востока пришло, и оно обозначает принадлежность человека ну что-то близкое наверно к кудеснику. Ведь йоги тоже разные есть и система постижения истины через школу йогов тоже разная.

– Это откуда же с востока? ... – спрашивал Дементий.

– Глубоко, глубоко на Востоке есть горы да такие, что они будто небеса подпирают и в этих горах сохранились монастыри, как наши, и вот там йогами становятся.

– Во оно как! - вскричал в сердцах Дементий и зажмурил глаза представив себе высокие горы.

А сидел в это время Герман на мягком диванчике рядом с бассейном, а Дементий рядом на кресле, тоже мягком.

– Многое у нас и общего, - отвечал Герман, – Вот смотри, к примеру, наш знахарь может видеть то, что другие не видят? Может ... а это между прочим у йогов третьим глазом называется.

– А вот я думаю, что ты бы меня не увидел бы, коли у тебя по роду такого дара не было б ...

– Ну дар положим и был, только ведь его и развивать надо. «А ещё сильный йог может словом вылечить, может через чакры воздействовать», - сказал Герман.

– А что есть за така чакра? – спросил Дементий, наматывая

прядь своих седых волос себе на нос. – Шишига что ли?

– Да нет ... Чакра это, ну как сказать, энергетические центры человека и через них происходит соединение с космосом, -ответил Герман.

Дементий кивнул ему головой, хотя ровным счётом ничего и не понял.

– О да я тебе пример с баней нашей приведу! – воскликнул Герман, – Вот к примеру, у нас для того, чтобы тело раскалилось и начало получать через поры свои живительную силу, надо в парной сидеть? ... а йог может и не сидеть.

– Это как?

– А ему достаточно проводить практику дыхания огня и через вот эту чакру, -он показал себе на центр в груди, – Вот в этом месте появляется невидимый огонь и раскаливает тело. По сути йогу баня и не нужна.

– Ну ты то друг мой баню любишь.

– Я да ..., но здесь другое. Корни мои, как никак. Баня – это удивительное наслаждение для тела и души. Она и есть дух нашего исконно русского человека. -ответил Дементию такими словами ГЕРМАН.

Но прошло и полгода, как решил Герман снова в Тибет податься и надолго. Потянуло дескать туда, искать дальше смысл жизни.

И снова стало одиноко баннику, после того как уехал его новый друг.

Мать Германа стала во всё, что касается сына обвинять мужа, что мол он виноват в том, что Герман не от мира сего и вместо того, чтобы или продолжить карьеру в столице или пойти по пути бизнеса, он снова решил податься неизвестно куда.

В итоге Сергей Михайлович развёлся с женой, уехал в свой особняк и стал жить один, за исключением тех дней, когда у него собирались его партнёры, друзья и многочисленные любовницы.

Сергей Михайлович с годами стал совсем другим человеком и теперь мерилom его жизни были одни только деньги.

По сути он повторял путь своего покойного начальника, который привёл его к этой жизни.

Денег у него было столь много, что он просто уже не знал, что с ними делать. Тройка элитных квартир было на имя жены, а пять на его имя и не где-нибудь, а в столице в самых элитных комплексах, пару особняков он отписал по дарственной сыну, хотя тот предпочитал не жить в них, а довольствовался только старой родительской квартирой. И много, много чего ... и это всё было помимо денег, наличных денег, валюты, золота и драгоценностей.

Жизнь превратилась для Сергея Михайловича в сплошное сладострастие, и он купался в ней, как в молочной реке с кисельными берегами.

Деньги сплошным потоком текли к нему отовсюду и этому не было конца и края.

А женщины – среднего возраста и совсем молодые, худые и стройные, местные артистки и студентки. Он мог купить любую и он делал это.

Машины, которых была не одна дюжина в гараже, цены которых были не только непозволительны простому человеку, а более того в обычной жизни они были просто фантастичны.

Но Сергей Михайлович стал терять и чувство реальности из-за всего богатства свалившегося на него в силу его должности.

Он скорее испытывал чувство полёта, бесконечного полёта в какой-то райской обители, где есть место только ему одному.

И он парил, парил будто в невесомости, словно некое облако, не чувствуя и не ощущая уже совсем действительности.

Постепенно он даже стал забывать, что где-то там в другой жизни у него осталась жена и сын, который был очень даже неплохим парнем, ищущим смысл жизни, а не гоняясь как его отец за иллюзорной птицей бесконечного счастья.

Сергей Михайлович вскоре до того потерял чувство реальности, что свои дела доверил двум дальним родственникам, которые пользовались случаем и грабили у него, то что уже просто не лезло в многочисленные налички и сейфовые ячейки.

Они грабили уже награбленное им.

А Сергей Михайлович всё больше теперь отдыхал то в

особняке у себя предаваясь огромным алкогольным возлиянием и упиваясь бесконечным наслаждениям с женским полом, которых было и по три, и по пять особей одновременно.

Пьяным он иногда и сам садился за руль, выгоняя личного водителя и мчался куда-нибудь загород, в очередную свою фазенду.

Это был конечно путь в один конец, но об этом он пока не знал.

И потому как-то ночью он напился до чёртиков и оказался в том районе, где находился новый, теперь его личный банный комплекс, в котором сохранилась частично старая баня. А вот водка давно не брала его, ввиду того, что здоровье, доставшееся ему от его предков, позволяло производить эти возлияния в огромных количествах. Позади его машины остановился вечно следовавший за ним автомобиль с двумя охранниками.

За рулём его машины сидел водитель, он же по совместительству его личный телохранитель – Лёха, а сзади три полупьяные девки, из тех, кто готовы на всё ради денег.

– О Лёха, а где ее э—то мы щчас? – протянул он.

– Так мы же прямо рядом с Вашим комплексом бань и саун. Мы сегодня где-только не были и вот теперь сюда приехали.

– А давай з—здесь причаль, сегодня тут отдохнём. Звони моему администратору Рамилю этих грё—бббанных бань, пускай приезжает, поднимает поваров, банщика там и кого

там ещё, сегодня отдыха—еем по полной.

—Слушаюсь, Сергей Михайлович.

А вскоре вся компания уже сидела и лежала на кожаных диванах, и плескалась в мраморном бассейне, и парилась и пила водку с шампанским, и ела красную икру и с шашлыком из осетрины.

И только Сергей Михайлович почему-то оказавшись в бане был почему-то совсем не весел, и куда-то испарился его пьяный кураж и желание предаваться безудержному разврату, и он угрюмо сидел в огромном кожаном кресле, смотря куда-то перед собой, в пустоту.

Девки весело плескались в бассейне, водитель Лёха тоже выйдя из парилки бросился со всей дури в воду и только Сергея Михайловича казалось ничего не радовало.

Полуголый, с намотанным вокруг тела огромным банным полотенцем Сергей Михайлович сидя в кресле, держал в руке стакан с недопитым коньяком.

Сергей Михайлович оказавшись снова как когда-то много лет назад, во всё той же бане с мраморным бассейном, которая теперь была его собственностью, вспомнил те счастливые дни, когда он был ещё не обременён властью, когда любил свою молодую жену и маленького сына и когда деньги он не ставил выше всего что было в его жизни. На его глазах невольно показались слёзы ... Это не было ностальгией, нет... скорее это было сожаление о том, что прежней жизни уже никогда не вернуть, не вернуть и всего того, что было

ценно тогда для него. Теперь он стал рабом своего несметного богатства. А то ...ценное, что было в прошлом стало неуловимым для него теперь.

В его сознании стал возникать образ его сына и время, в котором он был ещё совсем маленьким. Дни, которые они проводили вместе, гуляли вдвоём, и когда он брал его с собой в баню. Стоп!., Так ведь именно в эту баню. И в этом бассейне плескался его сын, который снова подался на восток в поисках истины, – подумал внезапно он. А может дело всё было в нём, как считала его жена и может она была права считая, что он упустил сына, а может просто мне было не до него и он по уши уйдя в работу, в какой-то момент забыл о том, что у него есть сын.

Да нет, он всегда помнил об этом и старался покупать сыну всё самое лучшее и заботился о нём ..., а может ему просто не хватало внимания отца? Нет сейчас этого не вернуть, и он сам погряз в этом болоте, пьянке без конца ...

И внезапно на него напала такая тоска, что даже сердце как-то невольно стянуло каким-то ледяным обручем.

–Лёха! Лёха! – внезапно Сергея Михайловича будто ударило током.

–Да шеф!

– Так ты это ... Давай девок ..., пускай собираться и там заплати им по полной и свободны. Сам тоже можешь домой ехать, а я сегодня ночью здесь в бане останусь. Тут вот на диване и лягу. Хочу один побыть. А ты утром за мной при-

едешь. А то мне в администрацию нужно по кое каким вопросам. Да, а администратору бани передай, чтобы сюда никого не пускал. Всё оставь меня.

– Я понял Сергей Михайлович, -ответил Лёха и стал торопить пьяных девок.

Те с неохотой, наспех накидав на себя одежду повыскакивали из бани.

Сергей Михайлович остался один.

Так он сидел довольно долго в каком-то ступоре, как, будто, совсем не понимая, как он здесь оказался и вообще и что он здесь делает.

Нет он не спал и не бодрствовал, он просто был в каком-то оцепенении, может даже и в состоянии изменённого сознания.

Сам по себе Сергей Михайлович был мужчиной среднего роста и крепкого телосложения, но уже с годами стал не так, чтобы довольно упитан, но брюшко имел даже очень значительное, голова его всегда была коротко стрижена, а лицо гладко выбрито и имело красно бардовый оттенок кожи.

Оцепенение у него не проходило, и это состояние делало его ватным, каким-то недвижимым и даже отупевшим.

Он продолжал полулежать почти уже совсем голым, в кожаном кресле, полотенце сползло с него на пол, стакан с разлитым коньяком валялся у его ног, но сам Сергей Михайлович был недвижим.

Состояние безнадёжности всё больше и больше навалива-

лось на него, как огромный пласт чего-то тягучего и липкого.

Он не мог пошевелиться, а мозги у него плавали и булькали как бульон перед тем как он станет холодцом в кастрюле.

Но в какой-то миг состояние стало исчезать и Сергей Михайлович увидел прямо перед собой сначала два красных горящих огнём глаза, а потом силуэт человека, да это явно был человек – старик маленького роста, сутулый, совершенно голый, но с такой длинной бородой, которая прикрывала весь его низ.

Уже через минуту силуэт явил перед собой реальное существо и Сергей Михайлович, подумал, что сходит с ума.

– Не пужайся мил человек. «Вижу, что видишь ты меня», – сказала существо.

– А т-тты к—кто е—есть? – пролепетал вялым голосом Сергей Михайлович, чувствуя, что язык его заработал и чресла тоже вроде как зашевелились. Он попытался вытащить трясущимися руками сигарету, из пачки которая лежала на столе.

– Я то? А ты как думаешь?

– Я? ... Не знаю...

– Ты домового небось в деревне у бабки своей видел?

– У Ба-бани? – снова пролепетал Сергей Михайлович.

– Ну я-то незнам как бабуся твою звали, но дар видеть ты точно походу от неё получил.

– Ба—буся? Да ба—буся моя знахаркой была, – ответил баннику Сергей Михайлович и почему-то зажевал сигарету.

– Ну вот то то и оно ... Ладно – банник я, дух в общем бани, хранитель её и имя тоже есть у меня.

– Как—кое? – жевя сигарету пробубнил Сергей Михайлович и словно вспомнив что-то выплюнул её на пол.

– Имя то? ... Дементиём кличут.

– А Вы, то есть тт—ты давно здесь?

– Я то? ... С незапамятных времён. Несколько веков храню дух бани.

– Это что жж—ж получается Вы здесь всг—гда были? – спросил, продолжая заикаться Сергей Михайлович.

– Ну выходит, что так, – ответил банник и присел рядом с ним на кожаный диван.

– Ввв—ы, то есть тт-ты может коньяк будете и сигарету? – понял вдруг Сергей Михайлович то, что гостя нужно непременно чем-нибудь угостить, хотя сам не подозревал, что он, являясь вроде бы и хозяином бани, но гостем в ней по сути был сам.

– Заешь ли любезный, – вежливым тоном произнёс Дементий и продолжил, – Вот от коньяка я не откажусь, а вот сигар к примеру, гаванских нет у тебя?

– Ггга – ванских, нет ... сейчас нет, но могу позвонить и пп—привезут любые и ещё чего можно, – пробормотал Сергей Михайлович.

– Да не не надо, в следующий раз, – ответил Дементий, но не пригубил коньяк, а только вдохнув в себя его аромат из стакана, услужливо налитого для него Сергеем Михайлови-

чем сказал, – Настоящий – французский, такой только двадцать лет назад секретарь горкома Нефёдов пил.

– Ннн – ефёдов ... Да это мой шшш—еф был.

– Вот оно что. Тогда понятно кто ты такой. Будем знакомы так сказать, – ответил Дементий и опрокинул в себя бурю жидкость из стакана.

Сергей Михайлович уже порядком пришёл в себя и думал сейчас так -, Что, если я не сошёл с ума и это действительно дух бани, так может он и полезен чем будет. В принципе такое знакомство не помешает,

– Я предлагаю выпить за дружбу, – произнёс тост Сергей Михайлович, наливая себе и баннику теперь уже по полной.

– Целиком поддерживаю.

Вскоре бутылка коньяка была ими опорожнена, а следом и другая и беседа стала течь в уже добром и приятном русле, словно они знали друг друга больше ста лет.

Очнулся Сергей Михайлович на следующий день у себя в особняке и было ему как-то особенно радостно на этот раз.

Начал вспоминать он с кем провёл ночь, вызвал Лёху, который подтвердил, что приехал к утру в баню и забрал оттуда не приходящего в себя шефа.

, Интересно не сон ли всё это был? – спрашивал сам себя Сергей Михайлович, стоя под горячим душем, а вечером того же дня он снова приехал в баню.

Как-только он прибыл в баню то приказал никого не впускать в его старое элитное отделение, а Лёхе дал команду при-

везти хорошего коньяка и гаванских сигар.

Оставшись один Сергей Михайлович крикнул в пустоту,

– Эй Вы, то есть ты! Где ты?! Друг, как тебя там...?!

– Дементий! Дементий! Хули орать то так, – услышал Сергей Михайлович из-за спины и оглянулся.

Банник сидел на кожаном диване поджав под себя ноги по-турецки и был очень сильно похож на йога индуса.

– А вот ты где, – ответил Сергей Михайлович явно больше не удивляясь тому, что банник мог появляться совсем неожиданно, – А я коньяку заказал и сигар гаванских настоящих не подделку.

– Коньяку не буду, – серьёзно произнёс Дементий, – А вот от сигар не откажусь и ещё я бы чайку в самоваре попил, настоящего и с баранками какими-нибудь. Я ведь сто лет чай в самоваре не пил. Последний раз при царе батюшке ... Купец такой был Митрофанов, ему прямо сюда доставляли чай, да какой чай был... Да с куличами, вареньем малиновым ... – вздыхая сказал банник и вспомнил как любил он после этого Митрофанова допивать чай из больших чашек.

–А это я сейчас, это я мигом, -как-то засуетился Сергей Михайлович, несвойственно для его природы и принялся звонить по мобильному телефону.

–Лёх! Лёха! Слушай внимательно – объезди всех моих коммерсантов и найди кто там самоварами торгует, да не ослышался, именно самоварами ... Выбери самый лучший, да ... Привезёшь сюда и к нем дров, а ещё набери всяких

пирожных и пряников, конфет, да и на рынке варенья малинового и ещё по банке всякого. И сюда тащи всё! Коньяка?! Да коньяка хорошего и пару бутылок. А сигар? Само собой, надо кстати распорядиться чтобы теперь здесь только элитный алкоголь был. Остальное – икру, фрукты, мясо я Рамилю скажу, да администратору нашему. Он всё организует. Давай только по-быстрому, -закончил орать в трубку Сергей Михайлович.

Через час на красивом резном столике из дерева красовался большой пузатый красавец, бока которого переливались ярким светом, отражённым от лампочек. Рядом на другом столе были и всякое варенья в хрустальных вазочках и шоколада какого только не было и много-много разной снэди.

– Угощайтесь товарищ банник, – приговаривал Сергей Михайлович.

– Не надо важно так, давай по-простому Серёга и ты меня тоже просто называй Дёмычем, -отвечал банник со смаком прихлёбывая чай из блюдца.

– Я вот что думаю Дёмыч, что ведь хорошо сидим, отдыхаем, душевно, – с явным восторгом говорил Сергей Михайлович.

– Оно и верно, -отвечал его новый друг.

Так завязалась не то чтобы дружба между банником Дементием и начальником всех начальником Сергеем Михайловичем, но какая-то явная может где-то и мистическая

связь.

Водитель Лёха особо вопросы не задавал шефу, хотя даже и для него было скажем так довольно загадочно, почему вся жизнь и всё свободное время Сергея Михайловича плавно переместились в баню.

Конечно за исключением тех часов, когда он уезжал в своё учреждение или к старым любовницам и то всё реже и реже, но за то в делах коммерческих у него появился даже и какой-то задор. Правда многое он доверил партнёрам, но отчёты принимал исправно, хотя и в бане. Партнёры, недоумевая тому почему все дела их переместились постепенно в баню, после смирились и даже в чём-то им это стало это и интересно.

А днём за днём незаметно для всех баня превратилась действительно в главный офис Сергея Михайловича.

Он полностью отгородил эту часть бани от остальной, превратив её в настоящую крепость, поставил везде охрану, камеры наружного наблюдения.

В бане теперь решались все вопросы ... Здесь подписывались важные договора, а в зале оборудованным под обедню собирались званые ужины. Теперь бывший зал отдыха был значительно расширен за счёт других помещений и здесь как говорится в одном флаконе пребывал и личный кабинет Сергея Михайловича и зал для приёма гостей.

Здесь теперь была вся жизнь Сергея Михайловича. Сюда ему привозили двух постоянных любовниц и всяких проме-

жуточных девиц, в бане устраивались разборки и велись деловые беседы.

И наконец здесь же он потом и парился, и купался в мраморном бассейне.

Однако, когда расходились партнёры и разная челядь Сергей Михайлович запирался и в зале и было слышно, как он с кем-то долго беседует.

Водитель и личный телохранитель Лёха привёз в баню из особняка Сергея Михайловича старинные инкрустированные золотом шахматы и такие же красивые карты.

Но если Лёха заходил в зал, то за столом в кожаном кресле Сергей Михайлович обычно сидел один и играл в шахматы с кем-то невидимым.

Водитель Лёха мог поклясться кому угодно, что трижды видел сам лично как фигуры на шахматной доске двигались сами чашка с чаем, висела в воздухе. Но жизнь и ответственная работа обязала его держать язык за зубами и Лёха всё что видел похоронил в себе.

А шахматы двигал конечно не кто иной, как банник Дементий, который очень любил сею игру и мог часами сидеть за шахматной доской и попивать при этом ароматный чай.

Он давно уже знал, что Герман сын Сергея Михайловича, но последнему не поведал, что знал его сына и что Герман имел такой же дар, как и отец. И знал Дементий, что сын у него умный был и честный человек, а вот отец видно совсем с

пути сбился и незнамо куда его теперь дорога привезти могла. Но Дементий этой темы не касался, считая, что пускай его новый товарищ сам в себе и в жизни разбирается. А то чего доброго Дементий ещё и крайним оказаться может.

Сергей Михайлович иногда мог впадать в депрессию, если вспоминал своего сына и тогда он заказывал себе ящик коньяка и уходил дня на три в запой. Но это бывало редко ...

В основном уединяясь в своём новом офисе Сергей Михайлович отводил душу в нескончаемых беседах с банником. Он смог уговорить банника надеть хотя бы семейные цветные трусы, дюжину которых тому привёз Лёха из ближайшего бутика. Дементий утверждал, что его то всё равно никто не видит, но потом сдался и решил трусы всё-таки надеть. Обновке он весьма и весьма дивился по первому числу, но потом привык, хотя и порой забывал их одеть.

А Сергей Михайлович думал, что обрёл наконец действительно друга, которому не нужны были деньги и многочисленные его связи, у которого не было даже одежды, не говоря уже про другое. И впервые Сергею Михайловичу было приятно ему в чём-то угождать, хотя бы в таких мелочах, как откусать чаю, поиграть в карты или шахматы за задушевными беседами.

– А вот был когда-то такой купец Митрофанов, да я тебе Серёга про него рассказывал. Вот он иногда кутежи то закатывал и в ход тогда цыгане шли с их плясками. Кутежи эти могли несколько суток напролёт не кончаться, – рассказывал

Дементий.

И вздумалось Сергею Михайловичу как-то оторваться как купцы при царе горохе. Привезли цыган из самой столицы, из филармонии, денег им немало было отвалено и пели, и плясали они, а с ними Сергей Михайлович до упаду и Лёха был тоже напоен, и водки было выпито немерено.

Вспоминал потом Сергей Михайлович, говоря при этом, – Понимаю я почему в те времена купцы могли по несколько суток отрываться по полной. А никто их не доставал, телефонов мобильных не было и интернета тоже, заморочек этих всех не было. Мать их! – в сердцах с очередной похмелюги орал он и швырял новый телефон с корпусом из чистого золота в стену.

А потто становился добр и мягок, после двух, трёх рюмок водки.

– Эх, душа ты моя, Дементюшка, – говорил он, прикладывая свою голову на плечо новому другу, – Не бросай меня, ты один у меня и остался.

И так часы тишины и мирных бесед во время которых Дементий ему рассказывал о своей прошлой жизни, о царских временах и временах сталинских, сменялись буйными оргиями и пьянками, и плясками с цыганским хором. Дементий шума не любил, отвык за года от этого и потому временно уходил в старую половину бани, где отсиживался.

Так и текла теперь их общая жизнь. И казалось, что никто не может нарушить их идиллию, потому как всё было тихо

мирно, и бурная жизнь сменялась тихими вечерами. И всё шло вроде как своим чередом ...

Но потом стал замечать банник Дементий, что что-то поменялось в Сергее Михайловиче. День ото дня он становился всё грустней и грустней, всё хмурей и хмурей, пока совсем не поник головой. И пропали песни и пляски, и водка стала ему не в радость и бабы отошли на второй план, да и часть друзей и партнёров бывших куда-то сливаться стала, а после звонков на телефон Сергей Михайлович становился совсем не в себе. И не радовали его теперь не беседы с другом, не шахматы и не карты. Всё для него стало не в радость, всё опостылело ему. Долго Дементий не решался спросить у него о том, что же случилось, пока Сергей Михайлович сам не открылся ему. Видно припёрло его по самое не могу.

– Плохи дела мои, друг мой, Дёмыч, плохи ... Ты моего главного помощника знал ведь, он ко мне сюда приходил – Саня Петров. Он самый ... Пропал, вторую неделю нет его. Тут два моих близких кореша, мои люди, куда-то все тоже пропали и ещё... Осталась одна охрана, ну и мои наёмные все. Не пойму, что происходит. Слежка за мной ...

– Кто же за тобой следить то будет? Ты ж всему голова в этом городе и области, – удивлён был Дементий.

– Враги, враги Дёмыч. Чую я, чую... Время моё кончается. В стране многих повязали. Не знаю в чём дело. Я и в столице делился с кем надо, там в самом правительстве, а сейчас звоню ему, а абонент не доступен. Самому полететь что ли

... Охрана у трёх моих домов видела людей каких то, следят по ходу. -сокрушённо сказал Сергей Михайлович.

Прошла ещё неделя, во время которой он только пил и сидел взаперти. Были ещё какие-то звонки ... Звонила и бывшая жена, и любовницы, был даже звонок из правительства, после которого Сергей Михайлович совсем было упал духом. И наконец по происшествии этой недели изрядно потрёпанный, нервный и какой-то весь как больной он стал звать Дементия, который с началом его запоя скрылся из глаз.

– Дементий! Друг мой Дёмыч! Дементий!

Банник появился.

Сергей Михайлович стоя у каменки, упал на колени перед банником и горько заплакал,

– Помогиии, ... Помогии ... Дёмыч не оставь в беде. Прошу помощи. Никогда больше просить тебя не о чём не буду родной ты мой.

– А чем Серёга? – спросил банник, вылезший на этот раз из-под пола.

– Так ты же этой силой владеешь? Ты ж дух нечистый? Может взглянешь? – не унимался Сергей Михайлович.

– Ладно попробую Серёга, – сказал Дементий и исчез, а через полчаса снова появился и как-то немного неуверенно сказал, – Ты это главное не бойсь, но там эти вроде ... какие при коммуняках были – гэпеушники.

Побледнел как смерть Сергей Михайлович, а потом на пару дней закрылся в новом офисе и ушел в запой. Но прошло

два дня и первым делом он обратился, опохмелившись снова к Дементию,

– Помоги мне Дёмыч, последний раз прошу, больше просить не буду.

– Чем же Серёга? – хитро спросил появившейся снова из ниоткуда банник, словно уже понял замысел Сергея Михайловича.

– Как бы сказать ...

– Говори, как есть.

– Денег у меня много, очень много и золота. Да не те, что в офшорах или в банках, там их не так много, да её уже может и не спасти уже, и недвижимость тоже могут всю арестовать. Большая часть в наличности, в слитках золотых и драгоценностях. Думал поколению будущему, внукам передать ... – со вздохом произнёс он, – Мне бы спрятать это ..., куда подалее, чтобы не знал никто ..., на время. А куда не знаю... Может ты подскажешь, а ещё лучше и поможешь. Помоги отец, помоги родной. Век не забуду. Спаси ... – с надеждой заныл Сергей Михайлович.

Тот долго молчал, как бы раздумывая, а потом ответил ему,

– Ладно, помогу тебе. В Нави спрячем, там никто не найдёт.

– А где Навь то эта? – спросил, разинув рот Сергей Михайлович явно опешив.

– Навь то? ... Это мир невидимых духов, это не людской

мир. Там и спрячем. Туда простому смертному дороги нет. «Там можно и укрыть», – говорил Дементий, доставая из большой, красивой коробки толстую гаванскую сигару.

– Во оно как ... – пролепетал Сергей Михайлович плюхась при этом в своё кожаное кресло.

– Да так Серёга ... Так ... – почти как философ умозаключил Дементий, – Да только одно условие есть.

– Какое же Дёмыч?

– Одну треть нужно будет на откуп отдать.

– Это кому же Дёмыч? – опять разинул рот Сергей Михайлович.

– Кому? Кому? Ему самому, – пуская дым кольцами и закатив глаза пробубнил банник.

– Емму? ... Стало быть самому главному?

– Да самому главному. Хозяину Нави.

– А кто ж хозяин этой самой Нави то? ...

– А тебе Серёга лучше и не знать.

– Ну расскажи тогда Дёмыч ты про свой мир, про Навь эту? Какая она? – не унимался Сергей Михайлович.

Долго молчал после этого вопроса Дементий, а потом пуская одно кольцо за другим молвил,

– Да по сути такой же мир, как и Ваш, только не совсем. Тебе же сказки бабка сказывала в детстве про русалок леших небось и про чудищ всяких?

– Да было дело.

– Ну вот там все они и обитают, а ещё там красота несущ-

светная, там мир совсем из других красок, там всё переливается живым огнём, да таким ярким, но ты не слепнешь от него, хотя это не солнце, это другой свет. Но в то же время там есть и сумрачные места. И ещё там все в мире живут. Для людей мы кто есть нечисть ..., а там гармония. Я тоже ведь не в Нави живу. Я во временной воронке, которые созданы для таких как я. Ведь нас много и банников, и домовых, и леших. Мы вроде и в Вашем мире, но нас не видно, потому как мы в тоже время и не в Вашем. У Вас это называют другим измерением. Место между Явью и Навью.

– А ты то откуда знаешь?

– А я что ли зря телевизор по ночам, когда ты спал смотрел и эти ... всякие научно – похулярные передачи.

– Не похулярные, а популярные, – сказал Сергей Михайлович.

– Во-во, популярные.

– Дёмыч, а что люди туда совсем не попадали?

– Не, были и такие, кто дорогу находил, но это всё давно пре давно было.

– Да хотелось бы хоть одним глазком увидеть Навь эту Вашу.

– Мне бы разрешения спросить на то, чтобы добро спрятать, а ты увидеть... Хотя и про это могу у главного спросить. Откуп то дашь ты и немалый.

– Ну да, а ты спроси Дёмыч, спроси. А то может и мне временно там спрятаться вместе с добром моим, -не унимал-

ся Сергей Михайлович.

– Ладно давай Серёга так сделаем, я сегодня ночью туда схожу, да всё разузнаю. Коли дадут добро тогда и всё так и сделаем. Мне ведь тоже по пустякам в Навь ходить нельзя, если только по важному делу.

– Быстрее надо Дёмыч, быстрее. Чует сердце моё, что скоро эти появятся . . . , враги, – со вздохом и немного с грустью говорил Сергей Михайлович.

Однако ночь эту на удивление самому себе Сергей Михайлович, проспал как младенец. Давно он так не спал, словно не было и никакого камня в душе. Проснулся он и отдохнувшим очень и бодрым, а тут Дементий тут как тут, сидит на диване и чай пьёт с самовара, как не в чём не бывало.

– Ты что ж и не был нигде? – спросил его Сергей Михайлович.

– Как же? Был. Всё сделал. Сходил туда и обратно. Дали добро, но медлить нельзя. Прямо сейчас и начинай. Пускай все богатство сюда привозят. «Отсюда и зайдём в Навь», – говорил ему банник.

– А я как же?

– И ты там сховаешься, никто не найдёт, а потом вернёшься в свой мир.

Сказано – сделано. Дал команду Сергей Михайлович своей охране и всем оставшемуся верным людям, включая и водителя Лёху, чтобы всё богатство и в рублях, и в валюте разной и слитки золотые и драгоценности, чтобы всё в но-

вый офис, а точнее в банный комплекс свезли. А всё добро это было спрятано в подвале одного из особняка Сергея Михайловича. А администратору Рамилю дал приказ комплекс весь закрыть, а обслуживающий персонал по домам распустить.

С десятков грузовиков в сопровождении многочисленной охраны через несколько часов прибыли в банный комплекс.

И теперь, после того как пару часов ушло ещё и на выгрузку всего богатства, смотрел на бумажные ассигнации в коробках и золото в слитках Дементий и спрашивал у Сергея Михайловича. А богатством был забиты несколько помещений, аж до потолка.

– И сколько же здесь всего добра то?

– Ну одного золота в слитках пять тонн и это помимо драгоценностей, наших рублей и валюты, – как-то даже с грустью говорил Сергей Михайлович, – Про недвижимость я молчу и автомобили тоже. Хотя надо было слить всё это, но времени уже нет. Ребята говорят, что пока везли сюда за нами два хвоста было.

– Золото и драгоценности на откуп пойдут. Но не все конечно, часть их ..., чтобы спрятаться, – уточнил Дементий посмотревшему на него немного с недоверием другу, – Но спрячем всё и бумажные тоже.

– Конечно друг ты мой надо, надо спрятать. Тут ведь большая часть в валюте, а всего несколько сот миллиардов. «Всё ведь, что нажито непосильным трудом», – сказал фразой из

кинофильма Сергей Михайлович.

–Шеф! – услышали они голос и это был вбежавший Лёха, который как всегда не мог понять с кем это шеф ведёт разговор, – Шеф, там движение какое-то на камерах. Два микроавтобуса с окнами затемнёнными, люди какие-то в костюмах вышли.

–Лёха, вызови моего начальника охраны, срочно!

–Он здесь.

–Слушай Володя миленький всех ребят к главному входу и никого не пускать, мне полчаса надо, – обратился он к мужчине в костюме с бородой средних лет, зашедшему вслед за Лёхой.

–Есть шеф.

– Вот и ладно. «Действуйте, Лёха а ты там с ребятами будь», – сказал Сергей Михайлович и закрыл за ребятами, огромную, бронированную дверь поставленную недавно, такую же какие стоят в хранилищах банка.

–Ууууух – аж вздохнул Сергей Михайлович и многозначительно посмотрев на Дементия сказал, –Ну что начинай Дёмыч.

–Теперьча Серёга ты отойди пока, а лучше обведи мелом вокруг всего богатства, причем во всех местах, где оно стоит. А я пока Вия призывать буду, но смотри ты, когда шум услышишь в его сторону не смотри, а дальше всё поймёшь.

–А это кто ж такой? – взволнованно спросил Сергей Михайлович.

– Один из помощников хозяина. Всё Серёга бери мел, а я призывать Вия буду. И не смотри на него!

– Я понял.

Сергей Михайлович давно уже сняв с себя пиджак и сорвав галстук, оставшись в белой рубашке и чёрных брюках, схватив мел кинулся чертить на полу линию.

Дементий, встав в самом центре поднял руки к потолку и начал нараспев петь что-то, хотя это было больше похоже на стон.

Прямо над его головой начала тут же появляться розово – голубая сфера, которая росла на глазах, быстро увеличиваясь в размерах. Сферу сотрясали маленькие молнии.

Краем глаз Сергей Михайлович увидел, как через некоторое время около Дементия появилось что-то тёмное, мрачное и оно всё шевелилось как единый клубок запутанных меж собой шевелящихся змей. Но он тут же отвёл глаза ...

А в это время у входа в здание уже орудовали облачённые в форму с масками на своих лицах люди из спецслужб. Вскоре дверь была выбита, охрана вся положена на пол.

– Где шеф твой? – спросил у лежащего на полу Лёхи человек в тёмном костюме.

Лёха рукой показал на бронированную дверь.

Человек в тёмном костюме дал команду и тут же вошедшие люди стали пилить толстую броню.

Услышав шум за дверью Сергей Михайлович, а он к этому времени уже давно провёл линию, сев на пол недалеко от

Дементия, находившегося в каком-то трансе и закрыл лицо руками.

– Ну всё поехали, – услышал он голос Дементия и провалился в темноту.

Вошедший вслед за бойцами одной из спецслужб человек в тёмном костюме увидел пустой зал.

– Проверьте все помещения! – приказал он своим людям, но тут взгляд его упал на пол, где блестел один лишь единственный слиток из чистого золота.

Он поднял его и посмотрел по сторонам.

– Всё пусто! Нет никого – докладывали уже люди.

– Я понял, – ответил им человек в тёмном костюме и направился к выходу, держа в руке единственный слиток.

Первое, что ощутил Сергей Михайлович, открыв глаза это была беспросветная пустота, которая наполнила его своим бесконечным безмолвием.

Потом пришло что-то другое ... Он не понял сначала, что это было. Словно у него забирали его сознание, словно рвали его душу на части.

Бабаня ... Его бабушка, с добрым и кротким и каким-то укоризненным взглядом смотрела на него, не держи в душе корысть – погубишь душу свою, – услышал он вдруг её слова.

Слёзы ... Они лились внутри него, куда-то ..., в бесконечность. Он сам стал пустотой ... Он знал это. Но потом какими-то урывками появлялись в его голове отдельные эпизоды его жизни. Появлялись и исчезали ... Но потом и это тоже

куда-то ушло. Исчезло всё то, что раньше знал он, всё к чему когда-то стремился он, всё чем жил он и ради чего жил. Исчезло всё ...

Он больше не знал кто он и просто лежал в какой-то неведомости. Долго лежал, пока не понял, что может шевелиться, и он пошевелился, Всё работает и руки, и ноги, – подумал он.

Он встал и огляделся по сторонам. Вокруг было темно, очень темно ... Но потом он увидел впереди себя каменную стену, подошёл к ней, дотронулся до неё, пытаясь понять где он сейчас и что ему делать.

Рука его прошла сквозь стену, но он почему-то совсем не удивился, а взял и двинулся вперёд, будто совсем не видел перед собой преграды. Так он прошёл сквозь стену и оказался в каком-то очень и очень жарком месте, из которого только что куда выбежало несколько человек. Он пытался вспомнить на что же было похоже это место, но почему-то не мог.

И тут он увидел на деревянном полу небольшую такую, наверно совсем маленькую лужицу, от которой исходил удивительно приятный запах, какая-то что ли истома напитывающая его брренное тело доброй и живительной энергией.

Он посмотрел в эту лужицу и увидел в ней сухого, маленького и сгорбленного старика, в котором он узнал сам себя и понял, что он был есть и будет самым что не на есть баннным банником на свете. Банником, которого все другие такие же нечистые духи знали по имени – Никодим.

Как будто никогда не было никакого того великолепного

Сергея Михайловича, не было его милой жены и его замечательного сына Германа, не было власти, денег и золота.

Не было ничего и никого, кроме его бессмертного, но в то же время и мёртвого духа.

Банник Никодим ещё раз посмотрел на своё отражение в маленькой лужице, почесал свой лысый затылок, потом голое пузо и вдруг вспомнил, что сегодня ещё пока никого не обдал кипятком, не порядок, – подумал он и ещё раз вдохнув в себя аромат грязной, использованной людьми воды, попятился к стене.

Внезапно у каменной стены его, как будто что остановило, словно что мелькнуло в его памяти. Какое-то красивое женское лицо и лицо маленького мальчика ... Это было лицо его жены и сына, когда тот был малышом. Но искра памяти вспыхнула лишь на мгновение и потом быстро погасла.

Банник Никодим ещё раз почесал голое брюхо и подойдя к каменной стене печи медленно исчез в ней, оставив после себя на ней только три капельки пота.

Три капельки его прошлой жизни ...

– Ау, ау ау ааа, баю, баю, бай, ау, ау, ау, ай, – пела красивая молодая женщина, склонившись над маленькой колыбелью, в которой лежал розовый малыш, посапывая и кряхтя что-то во сне.

Не было больше того душегуба, который разбойничал в лесах и у которого на руках была кровь невинных людей, не было разбойника, не была загубленной души, а был розовый

малыш, которому его мама пела колыбельную и которому Господь дал ещё один шанс прожить эту жизнь хорошим человеком.

И он проживёт её и банника Дементия больше никогда не будет. Ни—ког—да...

Пролог.

Герман вернулся в свой родной город. Никто не знал куда пропал его отец, а с ним и несметные сокровища. Отец канул в небытие.

А бывшей бане вернули свой прежний облик власти.

И Герман снова приходил в ту же баню, в ту же парную с мраморным бассейном. Он часто ждал, когда появиться банник, но банник больше не появлялся. Банник исчез, навсегда.

Герман ждал и потом уходил. И так было много раз, пока Герман решил больше не ходить в эту баню, а потом и навсегда покинул этот город.

Банник Никодим часто видел мужчину, который сидел одиноко в парной. Временами что-то родное мелькало в его облике, но тут же исчезало.

И банник Никодим вздыхая уходил к себе домой, в свою пространственную воронку.

В этой истории всё ушло на круги свои, всё вернулось в своё истинное я, кроме бани.

Одна только баня осталась и в ней жил, нечистый дух бани, её душа, её верный хранитель и единственный на всём белом свете одинокий банник Никодим.